

18+

СТЕЙША МАРТ

Не идеальная пара для верховного мага

Стейша Март

**Не идеальная пара
для верховного мага**

«Издательские решения»

Март С.

Не идеальная пара для верховного мага / С. Март —
«Издательские решения»,

Меня зовут Алиса. Мне тридцать два. Я была кризис-менеджером, уставшей от мужиков и ипотеки. Теперь я — юная адептка, которая не может создать даже светляка и которую только что пытались отчислить за взрыв. Верховный маг Дамиан Рейн — холодный, властный и невероятно раздражающий — даёт мне месяц, чтобы я сбежала. Он не знает, с кем связался. Я наведу порядок в Академии. Даже если для этого придётся перевоспитать самого опасного мужчину этого мира.

© Март С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. В которой меня увольняют с небес, а ректор — козёл	6
Глава 2. В которой я получаю каморку под лестницей, а местный гном оказывается родственной душой	11
Глава 3. В которой я провожу допрос с пристрастием, а ректор портит мне оперативную работу	17
Глава 4. В которой я добываю кофе, слушаю сплетни и понимаю, что Академия — тот ещё серпентарий	24
Глава 5. В которой я охочусь за документами, а магистр Корвин пытается меня переиграть	29
Глава 6. В которой угрозы становятся реальностью, а моя каморка превращается в место преступления	33
Глава 7. В которой я наношу визит в «Южную гильдию», а Грон вспоминает, зачем гному топорик	38
Глава 8. В которой я показываю карты, Корвин делает ставку, а правда выходит наружу	42
Глава 9. В которой час проходит, а ответный удар бьёт совсем не туда, куда я ждала	46
Глава 10. В которой я убираю завалы, допрашиваю Корвина и понимаю, что дом — это не всегда место	51
Глава 11. В которой меня утверждают в должности, а из столицы приезжает сюрприз	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Не идеальная пара для верховного мага

Стейша Март

© Стейша Март, 2026

ISBN 978-5-0070-7632-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. В которой меня увольняют с небес, а ректор — козёл

Если бы мне, Алисе Морозовой, тридцати двух лет от роду, с ипотекой на двушку в спальном районе и бывшим мужем-абыюзером, сказали, что самый счастливый день в моей жизни закончится в кабинете сурового мужика в мантии — я бы покрутила пальцем у виска.

Но давайте по порядку.

Утро началось отвратительно. Я стояла в пробке на въезде в город, слушала по радио очередную порцию «позитивных» новостей и понимала, что опаздываю на совещание к генеральному. А Петр Сергеевич, наш дорогой руководитель, обладал уникальной способностью устраивать разнос ровно в ту минуту, когда ты меньше всего этого ждёшь.

Я — кризис-менеджер. Звучит гордо, а по факту — тётя, которая приходит в убыточный отдел и говорит: «Ребята, вы всё делаете не так. Давайте я вам покажу, как надо, а вы мне — премию». Меня не любили. Меня боялись. Но мои отделы начинали приносить прибыль.

Именно поэтому, когда я влетела в конференц-зал, запыхавшаяся и с остывшим кофе в картонном стаканчике, я ожидала чего угодно — но не того, что увижу пустое кресло Петра Сергеевича и толпу бледных коллег.

— Алиса Викторовна, — пролепетала секретарша Леночка. — Тут такое... Петр Сергеевич... у него сердце... «Скорая»...

Дальше я помню урывками. Суета, крики, мои попытки раздать указания, чтобы никто не запаниковал. А потом...

Потом я, кажется, споткнулась о чей-то портфель.

Резкая вспышка. Ощущение, будто меня выдернули из тела, как морковь из грядки. Дикая, нечеловеческая боль в висках — и темнота.

— —

Очнулась я на чём-то твёрдом и холодном. Каменный пол. Пахло пылью, старыми книгами и... магией? Нет, бред. Магия пахнуть не может. Хотя этот запах — смесь озона, корицы и ещё какой-то ерунды — определённо был не из нашего офиса. В офисе пахло остывшим кофе, бумагой для принтера и разочарованием.

Я попыталась сесть и поняла две вещи.

Первая: у меня болит всё. Так, будто меня пропустили через промышленную стиральную машину.

Вторая: это не моё тело.

Руки... Тонкие, с изящными пальцами, но без моего любимого перстня с аметистом. Вместо строгого костюма — какая-то хламида синего цвета, напоминающая мантию выпускницы Хогвартса. Я судорожно ощупала лицо: нос прямой, скулы выше, чем у меня, волосы длиннее и светлее.

«Так, Алиса, — сказала я себе мысленно. — Либо ты сошла с ума от стресса, либо это какой-то очень реалистичный сон. В любом случае — оцениваем обстановку».

Я подняла голову.

Кабинет. Огромный, с высоченными стрельчатыми окнами, за которыми виднелось небо неестественно синего цвета — словно кто-то выкрутил насыщенность в фотешопе на максимум. Вдоль стен — стеллажи с книгами в кожаных переплётках. Книги выглядели так, будто их ни разу не открывали, а держали исключительно для красоты и создания «атмосферы». Типичный кабинет большого начальника: всё дорого, богато, но абсолютно нефункционально. У Петра Сергеевича на столе хоть кактус стоял — и тот засох.

Посередине — массивный дубовый стол, за которым сидел ОН.

Мужчина.

Лет сорока на вид, хотя что-то в его глазах подсказывало: «сорок» — это очень скромная оценка. Тёмные волосы, тронутые благородной сединой на висках. Тяжёлый подбородок, нос с горбинкой, губы сжаты в тонкую линию. Одет в чёрную мантию с алым кантом, которая сидела на нём так, будто он в ней родился. Мантия была расшита серебряными рунами — явно не из масс-маркета, а от какого-нибудь магического «Бриони».

Он смотрел на меня сверху вниз. И во взгляде этом читалось всё: презрение, усталость, раздражение и лёгкая брезгливость.

— Адептка Алессия Винтер, — произнёс он ледяным тоном. — Вы не только провалили экзамен по основам стихийной магии, но и умудрились устроить взрыв в лаборатории, который едва не лишил нас восточного крыла. Я вызывал вас, чтобы сообщить о вашем отчислении. А вы... упали в обморок. Что, страшно стало?

Алессия Винтер? Отчисление? Взрыв?

Мозг, привыкший работать с информацией в режиме цейтнота, начал лихорадочно собирать пазл. Я — в чужом теле. В каком-то магическом мире. И меня только, что попытались уволить.

Ну уж нет.

Я медленно поднялась с пола, стараясь не показывать, как дрожат колени. Одернула дурацкую мантию, поправила волосы — на автомате, привычка, выработанная годами работы с клиентами. И посмотрела на мужчину прямо. Не снизу вверх, а как равная на равного.

— Во-первых, — сказала я спокойно, хотя сердце колотилось где-то в горле, — я не в обмороке. Я проводила экстренный анализ ситуации в горизонтальном положении. Очень

эффективная методика. Во-вторых, взрыв в лаборатории — это не моя вина, а результат системной проблемы. Я готова предоставить отчёт.

Мужчина моргнул.

В его глазах мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее интерес. Но тут же исчезло, сменившись ещё большим раздражением.

— Отчёт? Вы, adeptка Винтер, за четыре года обучения не сдали ни одного зачёта с первого раза. Вы не можете создать даже простейший светляк. Какой отчёт вы можете предоставить?

— Аналитический, — не моргнув глазом, ответила я. — С цифрами, фактами и предложениями по оптимизации учебного процесса. Но для начала мне нужно знать: вы ректор этой Академии?

— Верховный маг Дамиан Рейн, ректор Академии Стихий, — процедил он. — И я не понимаю, почему до сих пор трачу на вас время.

Рейн. Дамиан. Красивое имя. Звучит как название дорогого вина, которое я никогда не могла себе позволить.

Я незаметно огляделась. Кабинет ректора впечатлял. Потолок терялся в полумраке на высоте метров пяти — явно строили с размахом, а вот с отоплением, судя по сквозняку, были проблемы. По углам стояли напольные канделябры с магическими светильниками, которые нервно мерцали, словно лампочки в подъезде, когда соседи сверху опять включили сварочный аппарат. На стене висела карта мира — судя по очертаниям, местная Евразия страдала гигантизмом и была окружена тремя лунами.

— Очень приятно, лорд Рейн, — я чуть склонила голову. — А я... Алиса. То есть Алессия. И я предлагаю вам сделку.

Он приподнял бровь. Это выглядело так, будто статуя вдруг проявила эмоцию.

— Сделку? Вы, бездарная adeptка, которая вот-вот будет выставлена за ворота, предлагаете мне сделку?

— Именно, — я обвела взглядом кабинет, ища, на что можно опереться, чтобы не упасть (ноги всё ещё были ватными). — Я вижу, что у вас тут... как бы помягче выразиться... управленческий хаос. Восточное крыло рушится от взрыва, который устроила девятнадцатилетняя девица. Это говорит о том, что техника безопасности в Академии — фикция. Уверена, если я покопаюсь в ваших документах, найду ещё с десяток дыр. Я предлагаю вам свои услуги.

— В качестве кого? — в его голосе появились нотки сарказма. — Шута?

— В качестве кризис-менеджера, — я улыбнулась своей фирменной улыбкой, от которой у Петра Сергеевича обычно начинался нервный тик. — Вы даёте мне доступ к хозяйственной части Академии. Я навожу порядок. Если через месяц вы не увидите результат — я уйду сама,

без скандала. Если увидите — вы забудете о моём отчислении и дадите мне шанс сдать экзамены. По-честному.

В кабинете повисла тишина. Такая, что было слышно, как потрескивают свечи в канделябре. Точнее, не свечи — а какие-то светящиеся кристаллы, которые, кажется, работали на чистом магическом электричестве. Я мысленно поставила галочку: «Выяснить, сколько стоит один такой кристалл и нельзя ли их продавать на Авито».

Лорд Рейн смотрел на меня, и я физически ощущала, как его магия — а это была именно она, я теперь точно знала — давит на плечи, проверяя на прочность. Но я прошла огонь, воду и квартальные отчёты перед налоговой. Меня сложно напугать.

— Вы либо сумасшедшая, либо гениальная аферистка, — наконец произнёс он.

— Я профессионал, — поправила я. — Это хуже.

Он вдруг встал. Оказался ещё выше, чем я думала. Метр девяносто, не меньше. Обошёл стол, остановился в двух шагах от меня. От него пахло тем самым озоном и ещё чем-то терпким, мужским. Я непроизвольно втянула воздух и тут же себя одёрнула.

«Алиса, у тебя ипотека и никакой магии. Не отвлекайся на мужиков, особенно на тех, кто может испепелить тебя взглядом».

— Хорошо, адептка Винтер, — сказал он медленно, смакуя каждое слово. — Я дам вам месяц. Вы будете подчиняться непосредственно мне и заниматься... как вы выразились... хозяйственной частью. Должность — помощник ректора по административно-хозяйственной работе. Звучит достаточно унижительно для той, что мечтала стать великой волшебницей?

Я чуть не рассмеялась. Унижительно? Да я полжизни мечтала, чтобы кто-то назвал меня «помощником», а не «девочкой на побегушках».

— Звучит как вызов, лорд Рейн. Я принимаю.

Он кивнул и уже повернулся к столу, но вдруг замер.

— И ещё, адептка... Алиса, кажется? — он выделил моё настоящее имя, и по спине побежали мурашки. — В вашем мире, откуда бы вы ни явились, возможно, принято пить кофе в рабочее время. Здесь это считается дурным тоном. Оставьте свои... привычки за дверью.

Я опустила взгляд. На полу, рядом с тем местом, где я очнулась, валялся картонный стаканчик с надписью «Coffee Like». Видимо, он перенёсся вместе со мной.

Я медленно наклонилась, подняла стаканчик, сделала глоток. Кофе был ещё тёплым и отвратительно горьким.

— Лорд Рейн, — сказала я, глядя ему в глаза. — В моём мире говорят: хочешь изменить систему — начни с себя. Но кофе я вам менять не позволю. Это святое.

И вышла из кабинета, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину.

В коридоре я прислонилась к холодной каменной стене и выдохнула.

Коридор оказался под стать кабинету — длинный, гулкий, с высокими сводами и гобеленами на стенах. Гобелены изображали какие-то эпические битвы магов, но при ближайшем рассмотрении один из них явно был вышит криво — дракон больше напоминал перекормленную курицу. Я мысленно сделала вторую пометку: «Проверить тендер на поставку гобеленов. Кто-то явно пилит бюджет».

Мимо прошла стайка студентов в таких же синих мантиях, что и у меня. Они уставились на меня с любопытством и страхом — видимо, слухи о взрыве в восточном крыле уже разнеслись. Один парень, рыжий и конопатый, шепнул соседу: «Глянь, это та самая, которая чуть не разнесла лабораторию. Говорят, её теперь к ректору на ковёр каждый день таскают». Я усмехнулась про себя. Если бы они знали, что я не «та самая», а совсем другая «та самая» из другого мира, которая сейчас планирует провести аудит их стипендий...

Я сделала ещё один глоток остывшего кофе.

Так, Алиса. Ты в другом мире, в теле юной бездарной волшебницы, у тебя нет магии, зато есть долги в прошлой жизни и крайне раздражающий начальник. Академия, судя по всему, — это классическая бюджетная организация с раздутым штатом, неэффективным руководством и полным отсутствием KPI.

Ну что ж.

Я улыбнулась.

Этот магический мир ещё не знает, с кем связался.

Глава 2. В которой я получаю каморку под лестницей, а местный гном оказывается родственной душой

Я стояла в коридоре, прислонившись к холодной каменной стене, и допивала свой многотрадальный кофе. Вкус был отвратительный, температура — чуть выше комнатной, но это был единственный якорь, связывающий меня с моим миром. С миром, где есть кофемашины, электросушилки для рук и люди, понимающие слово «дедлайн».

Здесь, судя по всему, не понимали ни первого, ни второго, ни третьего.

Я сделала ещё глоток и оглядела коридор. Высоченные своды терялись в полумраке — видимо, местные архитекторы считали, что чем выше потолок, тем ближе к магии. Стены украшали гобелены с эпическими сценами битв. На одном маг в звёздной мантии поражал дракона, который больше напоминал ожиревшую курицу с крыльями летучей мыши. На другом — прекрасная эльфийка взывала к силам природы, но при ближайшем рассмотрении у неё было такое выражение лица, будто она только что увидела счёт за коммунальные услуги.

«Интересно, — подумала я, — кто отвечает за закупку гобеленов? Наверняка чей-то племянник».

Мои размышления прервал звук шагов. Тяжёлых, уверенных, с металлическим позвякиванием. Я обернулась.

По коридору ко мне шёл... гном. Настоящий. Ростом мне по плечо, но шириной — как два меня. Одет в кожаную безрукавку поверх клетчатой рубахи, на поясе — связка ключей, которая позвякивала при каждом шаге. Борода — седая, заплетённая в две косы, перехваченные медными кольцами. Глаза — маленькие, цепкие, как у оценщика в ломбарде.

Он остановился в метре от меня, упёр руки в бока и оглядел с ног до головы. Я почувствовала себя старой мебелью, которую принесли на комиссию.

— Значит, ты и есть та самая Алессия, — прогудел он басом, совершенно не соответствующим его росту. — Которая взорвала восточное крыло, а потом уговорила Рейна не выгонять её пинком под зад. Я — Грон, комендант Академии. И, судя по приказу, который мне прислали десять минут назад, ты теперь моя головная боль.

Он достал из-за пазухи мятый свиток и помахал им перед моим носом.

— «Назначить адептку Алессию Винтер помощником ректора по административно-хозяйственной работе с испытательным сроком один месяц», — процитировал он с таким выражением, будто ел лимон. — Рейн что, умом тронулся? Девчонка, которая не может светляка создать, будет хозяйством заниматься?

Я допила кофе, аккуратно поставила пустой стаканчик на подоконник (привычка — мусорить в общественных местах не позволяло воспитание) и посмотрела на Грона сверху вниз. Благо рост позволял.

— Господин Грон, — сказала я спокойно. — Давайте сразу договоримся. Я не девчонка. Мне тридцать два года, и последние десять лет я занималась тем, что вытаскивала из долговой ямы компании, которыми руководили люди с магическим мышлением. Знаете, что такое магическое мышление в моём мире?

Он нахмурился.

— Это когда директор говорит: «Мы просто возьмём кредит, а потом что-нибудь придумаем», — пояснила я. — Или: «Рынок сам выправится». Или моё любимое: «Мы всегда так делали, и ничего». Так вот, судя по состоянию восточного крыла, у вас тут магического мышления — на целую Академию.

Грон помолчал, переваривая услышанное. Потом вдруг хмыкнул в бороду.

— Ладно, — сказал он уже другим тоном. — Посмотрим, чего ты стоишь. Пойдём, покажу твои хоромы.

И он зашагал по коридору, звеня ключами, как колокольчиками на рождественском олене.

— —

Хоромами оказалась каморка под лестницей.

Я стояла перед низкой деревянной дверью, покрашенной облупившейся зелёной краской, и молчала. Грон с явным удовольствием наблюдал за моей реакцией.

— Раньше здесь хранили мётлы, — сообщил он. — Потом мётлы перенесли в новую кладовую у западной башни. А это помещение... ну, оно просто было.

Я открыла дверь. Внутри пахло пылью, старой мешковиной и — почему-то — сушёной мятой. Комнатка была крошечной: метра два на три. У стены стоял колченогий стол, на нём — оплывший огарок свечи. Рядом — стул с продавленным сиденьем. У окна под самым потолком (а оно было крошечным, затянутым мутным стеклом) притулился пустой деревянный ящик, видимо, выполнявший роль шкафа. Пол каменный, холодный. На стене — одинокий крючок для одежды.

— Уютненько, — прокомментировал Грон с сарказмом.

Я вошла внутрь, провела пальцем по столу. Слой пыли был таким, что на нём можно было писать письма.

— Господин Грон, — сказала я, не оборачиваясь. — У меня к вам два вопроса.

— Валяй.

— Первый: у вас есть инвентаризационная ведомость за последние три года?

Он поперхнулся.

— Чего?

— Ин-вен-та-ри-за-ци-он-ная ве-до-мость, — повторила я по слогам. — Документ, в котором указано, какое имущество числится на балансе Академии, в каком состоянии и где находится. Надеюсь, у вас ведётся учёт? Или вы всё запоминаете? — я выразительно посмотрела на его связку ключей, в которой было не меньше полусотни штук.

Грон открыл рот, закрыл, потом почесал бороду.

— Ну... у меня есть записи, — сказал он осторожно. — В подвале. В сундуке.

— Записи, — кивнула я. — В сундуке. В подвале. Понятно. Тогда второй вопрос: где у вас можно раздобыть нормальный стол, стул, на котором не рискуешь провалиться в другое измерение, и — самое главное — где здесь варят кофе?

— Чего? — переспросил он опять.

— Ко-фе, — сказала я с расстановкой. — Напиток богов. Чёрный, горький, заставляет мозг работать, а людей — терпеть друг друга по утрам.

Грон вдруг усмехнулся, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Кофе у нас не варят, — сказал он. — У нас пьют травяные настои. Ромашка, мята, Melissa. Успокаивает нервы и способствует магической концентрации.

Я представила, как пытаюсь провести аудит на ромашковом чае, и меня передёрнуло.

— Господин Грон, — сказала я твёрдо. — Если я не найду кофе в течение ближайших суток, нервным и беспокойным стану не только я, но и все окружающие. А магическая концентрация в Академии упадёт до нуля, потому что я буду ходить и выносить мозг каждому встречному вопросом: «Почему у вас тут всё через одно место?».

Он хмыкнул.

— Ладно. Про стол и стул я подумаю. А насчёт кофе... — он понизил голос. — Говорят, у магистра Марты, которая травологию ведёт, есть запас. Она его из столицы привозит. Но просто так она ни с кем не делится.

— Магистр Марта, — повторила я, запоминая. — Спасибо за наводку. А теперь, господин Грон, давайте сделаем так. Вы даёте мне ключ от этой... каморки. Я привожу себя в порядок. А завтра с утра мы с вами идём в подвал, открываем сундук и начинаем разбирать ваши записи. Потому что магия магией, а инвентаризацию никто не отменял.

Грон посмотрел на меня долгим взглядом, потом вдруг снял с пояса один из ключей и протянул мне.

— Держи, — сказал он. — И знаешь что, девочка... Алессия?

— Что?

— Если ты и правда наведёшь здесь порядок, я, так и быть, попрошу Марту угостить тебя её драгоценным кофе.

— Договорились, — я взяла ключ. — И ещё, господин Грон.

— Ну?

— Не называйте меня девочкой. Я женщина. Взрослая. Уставшая. И очень злая, когда вокруг бардак.

Он хохотнул, развернулся и пошёл по коридору, звеня ключами. А я осталась стоять в дверях своей каморки, глядя ему вслед.

— —

Остаток дня я провела, пытаясь превратить каморку в подобие рабочего места. Первым делом я вытерла пыль. Всю. Ведро воды, найденное в конце коридора, стало мутно-серым уже через пять минут. Тряпку пришлось соорудить из старой мешковины, которую я обнаружила в углу. Зато теперь стол хотя бы не оставлял следов на рукавах.

Стул я осмотрела критически. Сиденье продавлено, ножка шатается. Подложила под ножку сложенный в несколько раз пергамент — единственное, что нашлось под рукой. Пергамент, кстати, был чистый, без записей. Видимо, в Академии не сэкономили на канцелярии. Уже плюс.

Окно под потолком почти не давало света, но я разглядела, что выходит оно во внутренний двор. Если встать на ящик и вытянуть шею, можно было увидеть кусочек неба и каменную стену соседнего здания. Романтика.

Я села на скрипнувший стул, достала из кармана мантии чудом уцелевший огрызок карандаша (нашёлся в складках — видимо, Алессия всё-таки иногда что-то записывала) и положила перед собой чистый лист пергамента.

«Итак, Алиса, — написала я печатными буквами. — План действий на завтра:

1. Найти магистра Марту и добыть кофе любой ценой.
2. Разобрать записи Грона и понять масштаб бедствия.
3. Осмотреть восточное крыло лично. Составить акт дефектовки.
4. Понять, кто в Академии отвечает за бюджет, и познакомиться с этим несчастным.
5. Выжить.»

Я перечитала список, хмыкнула и добавила шестой пункт:

«6. Не влюбиться в ректора. Он козёл.»

После этого я откинулась на спинку стула, и он предательски скрипнул, напоминая, что пункта «купить нормальную мебель» в списке нет, а зря.

В дверь постучали.

Я вздрогнула. Вечер уже сгустился за мутным стеклом, в каморке стало совсем темно — свечу я так и не зажгла, сэкономила. Кто мог прийти ко мне в первый же вечер?

Стук повторился. Торопливый, нервный.

Я встала, подошла к двери и открыла.

На пороге стояла девушка. Лет девятнадцати, в такой же синей мантии, как у меня. Русые волосы растрёпаны, глаза красные, заплаканные. Она кусала губу и мяла в руках край мантии.

— Вы... вы та самая Алессия Винтер? — спросила она дрожащим голосом.

— Ну, допустим, — сказала я осторожно. — А вы кто?

— Меня зовут Лира, — она шмыгнула носом. — Лира Олдридж. Я учусь на третьем курсе. И... мне сказали, что вы помогаете тем, кого несправедливо обвиняют.

Я моргнула. Кто сказал? Когда я успела?

— Кто сказал? — спросила я вслух.

— Все говорят, — она всхлипнула. — Вы взорвали восточное крыло, вас должны были отчислить, а вы вместо этого стали помощницей ректора. Говорят, вы можете убедить кого угодно в чём угодно.

«Отлично, — подумала я. — Сарафанное радио в магическом мире работает быстрее, чем в моём. Надо будет взять на заметку».

— Лира, — сказала я, отступая в сторону и пропуская её в каморку. — Заходи. Рассказывай, что случилось.

Она вошла, оглядела убогую обстановку, но комментировать не стала — видимо, её проблема была серьёзнее, чем отсутствие нормальной мебели у незнакомой адепки.

Я усадила её на колченогий стул (мысленно молясь, чтобы он выдержал), а сама осталась стоять, скрестив руки на груди.

— Меня хотят отчислить, — выпалила Лира и снова всхлипнула. — Говорят, что я украла артефакт из хранилища. Семейный амулет рода Виндзор. Но я его не брала! Я даже не знаю, как он выглядит!

Я слушала и чувствовала, как где-то внутри просыпается знакомое чувство. То самое, которое возникало каждый раз, когда в мой кабинет приходил сотрудник с фразой: «Алиса Викторовна, меня подставили».

— Так, — сказала я. — Давай по порядку. Когда пропал амулет? Кто обвиняет? Есть ли свидетели? И самое главное — кому это выгодно?

Лира подняла на меня заплаканные глаза, и в них мелькнула робкая надежда.

Я слушала и чувствовала, как в голове вместо магических формул (которых я всё равно не знала) выстраивается привычная матрица: вводные данные, заинтересованные стороны, оценка рисков, прогнозируемый ущерб. Кража артефакта? Подстава студентки? Да это же классический случай корпоративного мошенничества, только вместо денег — магическая побрякушка, а вместо юристов — маги-стражи.

Ну что ж, Алиса. Ты хотела навести порядок? Получи, распишись. Складской учёт — это скучно. А вот внутреннее расследование — это уже интересно.

Я мысленно открыла свой список дел и дописала седьмой пункт.

«7. Провести внеплановый аудит человеческой (и не очень) совести. Выявить расхитителя фамильных ценностей».

А потом, усмехнувшись про себя, перечеркнула официальную формулировку и написала ту, что больше подходила для местного колорита:

«7. Доказать, что магический детектив — это тот же аудит, только с драконами».

Я вздохнула, мысленно попрощалась с планами на спокойный вечер и приготовилась слушать.

Магический мир определённо не давал скучать. Но, положив руку на сердце, скучать я и не собиралась.

Глава 3. В которой я провожу допрос с пристрастием, а ректор портит мне оперативную работу

Ли́ра Олдридж оказалась классической жертвой. Знаете этот тип? Сидит, хлопает мокрыми ресницами, шмыгает носом и искренне верит, что если она достаточно сильно пожалеет себя, проблема рассосётся сама.

За десять лет работы кризис-менеджером я таких перевидала сотни. Хорошие девочки, которые никогда не спорят с начальством, берут на себя чужую работу и искренне удивляются, когда именно их делают крайними.

— Так, — сказала я, скрестив руки на груди. — Давай без соплей. Сопли — это не доказательство невиновности. Рассказывай факты. Только факты. Имена, даты, последовательность событий. Как на допросе.

Ли́ра икнула и вытерла нос рукавом мантии.

— А вы... вы умеете утешать, — пробормотала она.

— Я умею решать проблемы, — отрезала я. — Утешать — это к магистру Марте. Говорят, у неё отличные травяные настои. А теперь — говори.

Она глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала.

Картина вырисовывалась следующая. Семейный амулет рода Виндзор — древняя побрякушка, которая, по легенде, усиливала магию своего владельца, — хранился в малом хранилище Академии. Не в основном, где лежали опасные артефакты под семью печатями, а в малом — что-то вроде музейного запасника для ценных, но не боевых вещей.

Доступ в малое хранилище имели: ректор (само собой), его заместитель магистр Корвин, комендант Грон (ключник) и... старосты старших курсов. По традиции, старостам доверяли проводить инвентаризацию раз в семестр.

— И ты — староста? — уточнила я.

— Да, третьего курса факультета природной магии, — кивнула Ли́ра. — Мы проводили учёт две недели назад. Я лично отметила амулет в ведомости. Он был на месте. А вчера магистр Корвин объявил, что амулет исчез. И всё указывает на меня, потому что я последняя, кто его касался.

— Ты касалась амулета?

— Нет! Я просто записала его наличие. Я даже не брала его в руки. Он лежал в шкатулке под стеклянным колпаком.

Я задумалась. Стеклянный колпак. Это важно.

— А замок на хранилище? — спросила я. — Его взломали?

— Нет, — Лира покачала головой. — Магистр Корвин сказал, что замок цел. Открыли ключом. А ключ был только у меня, Грона, ректора и самого Корвина.

— И у кого из них есть алиби?

Лира растерянно моргнула.

— Я... я не спрашивала. А разве можно спрашивать алиби у ректора?

Я тяжело вздохнула. Святая простота.

— Лира, — сказала я медленно, как ребёнку. — Если ты не украла амулет, значит, его украл кто-то другой. У этого «кого-то» был ключ. И этот «кто-то» сейчас спокойно спит в своей постели, пока ты рыдаешь в каморке у незнакомой тётки. Тебе не кажется это несправедливым?

Она задумалась. В заплаканных глазах мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее злость.

— Кажется, — прошептала она.

— Вот и отлично. Злость — это топливо. Жалость к себе — тормоз. Запомни это.

Я взяла со стола свой список дел и дописала восьмой пункт прямо под седьмым.

«8. Найти вора. Вернуть амулет. Показать Лире, что быть хорошей девочкой — не профессия».

— А теперь, — сказала я, поднимаясь, — води меня в хранилище.

— Но... уже ночь, — засомневалась Лира. — Хранилище закрыто. И у меня нет ключа. Его забрал магистр Корвин.

— А у кого есть ключ? — я прищурилась.

— У Грона. Но он спит. И он страшный, когда его будят.

— Я страшнее, когда мне не дают работать, — отрезала я. — Пошли.

— —

Грона мы нашли в его каморке рядом с котельной. Точнее, сначала мы нашли дверь с табличкой «Комендант. Стучать громко. Не входить, если не готовы умереть», а потом уже самого Грона.

Он открыл после третьего удара, заспанный, в ночном колпаке, сжимая в руке маленький топорик. Борода была растрёпана, глаза метали молнии.

— Какого тролля?! — прорычал он. — Я только лёг! У меня был чудесный сон про пиво и жареного поросёнка!

— Господин Грон, — сказала я сладким голосом. — Мне нужен ключ от малого хранилища.

Он уставился на меня, потом на Лиру за моей спиной, потом снова на меня.

— Ты с ума сошла? Ночью? В хранилище? У тебя вообще инстинкт самосохранения есть?

— Атрофировался за годы работы с налоговой, — честно ответила я. — Давайте ключ. Это в рамках моего расследования.

— Какого ещё расследования? — он нахмурился.

— Того самого, которое поможет найти амулет Виндзоров и снять подозрения с невиновной студентки. Вы же не хотите, чтобы в Академии учился вор? Или, того хуже, чтобы вором оказался кто-то из преподавателей, а вы об этом не знали?

Грон почесал бороду, обдумывая услышанное. Я видела, как в его глазах борются два желания: послать меня куда подальше и лечь спать — и узнать, кто же всё-таки украл проклятый амулет. Любопытство победило.

— Ладно, — буркнул он. — Но я иду с вами. Если что-то пропадёт, я скажу, что вы меня загипнотизировали.

— Договорились, — кивнула я.

— —

Малое хранилище располагалось в подвальном этаже западной башни. Чтобы попасть туда, нужно было спуститься по винтовой лестнице, пройти длинный коридор, освещённый редкими магическими светильниками (которые, кстати, снова мерцали — надо будет разобраться с проводкой), и упереться в массивную дубовую дверь, окованную железом.

Грон долго возился со связкой ключей, бормоча под нос что-то про «никогда никакого покоя» и «лучше бы я пошёл в шахтёры, как мама хотела». Наконец замок щёлкнул, и дверь со скрипом отворилась.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковатым — не то ладаном, не то засохшими лепестками роз. Помещение было небольшим, метров двадцать квадратных. Вдоль стен стояли стеллажи со стеклянными витринами, в которых на бархатных подушечках лежали разные диковины: перстни, кулоны, статуэтки, свитки.

— Где лежал амулет? — спросила я Лиру.

Она указала на пустую витрину в центре зала. Стекланный колпак был сдвинут в сторону, бархатная подушечка пуста. Я подошла ближе, стараясь ничего не касаться.

— Грон, — позвала я. — Посветите сюда.

Он поднёс магический светильник поближе. Я наклонилась и внимательно осмотрела витрину. Замок на стеклянном колпаке был цел. Более того — на нём не было царапин, характерных для взлома.

— Его открыли ключом, — констатировала я. — Причём аккуратно. Никаких следов спешки.

— Я же говорила, — прошептала Лира.

— Помолчи, я думаю.

Я обошла витрину кругом. На полу, у самого плинтуса, что-то блеснуло. Я присела на корточки.

— Грон, свет сюда.

В щели между каменными плитами пола застряла крошечная серебряная чешуйка. Я аккуратно подцепила её ногтем и поднесла к свету.

— Что это? — спросила Лира, заглядывая через моё плечо.

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Но выглядит так, будто кто-то поцарапал пол. Или обронил часть одежды.

Грон нахмурился, разглядывая чешуйку.

— Это не одежда, — сказал он медленно. — Это... ну, не знаю. Может, от перчатки? У магистра Корвина есть перчатки с серебряной вышивкой.

Я запомнила эту информацию и аккуратно завернула чешуйку в носовой платок (единственное, что нашлось в кармане мантии Алессии). Улика. Первая настоящая улика.

— Ладно, — сказала я, поднимаясь. — На сегодня достаточно. Завтра поговорю с магистром Корвином. Посмотрим, как он отреагирует на вопрос о своих перчатках.

Лира смотрела на меня с надеждой и страхом одновременно.

— Вы думаете, это он?

— Я думаю, что не стоит делать выводы до того, как соберёшь все факты, — ответила я. — Но то, что кто-то из своих открыл хранилище своим ключом и забрал амулет, не потревожив ничего вокруг, — это факт. А теперь — спать. Завтра тяжёлый день.

Мы вышли из хранилища, Грон запер дверь, и мы двинулись обратно по коридору.

И вот тут-то меня и накрыло.

В конце коридора, у подножия лестницы, ведущей наверх, стоял ОН.

Лорд Дамиан Рейн собственной персоной. В чёрной мантии, скрестив руки на груди, с выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего. Свет магических светильников падал на его лицо, делая скулы ещё острее, а взгляд — ещё холоднее.

— Адептка Винтер, — произнёс он ледяным тоном, от которого у Лире, кажется, душа ушла в пятки. — Что вы делаете в подвальном этаже в час ночи?

Грон за моей спиной издал звук, похожий на сдавленный хрип. Лира, кажется, перестала дышать. Я же мысленно досчитала до трёх, чтобы не ляпнуть что-нибудь нецензурное.

— Лорд Рейн, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Какая неожиданная встреча. А я как раз проводила внеплановую инвентаризацию малого хранилища. В рамках своих обязанностей помощника ректора по административно-хозяйственной работе. Вы же сами меня назначили. Помните?

Он приподнял бровь. Движение было едва заметным, но я уже научилась считывать его микроэмоции. Сейчас он был не столько зол, сколько... заинтригован? Нет, скорее, раздражён тем, что заинтригован.

— Инвентаризацию, — повторил он. — В час ночи. В сопровождении коменданта и заплаканной студентки. И вы хотите, чтобы я в это поверил?

— Я хочу, чтобы вы проверили отчёты, — парировала я. — Если амулет рода Виндзор действительно пропал, то это — дыра в безопасности Академии. И как ваш помощник по хозяйственной части, я обязана разобраться. Или вы предпочитаете, чтобы воры гуляли по вашей Академии, как по проходному двору?

В коридоре повисла тишина. Грон за моей спиной, кажется, молился всем гномьим богам разом. Лира тихо икала.

Рейн смотрел на меня. Я смотрела на Рейна. Воздух между нами, казалось, потрескивал от напряжения.

— Вы невозможны, — наконец произнёс он. — Абсолютно невозможны.

— Спасибо, — сказала я. — Я считаю это комплиментом.

— Это не комплимент.

— Я знаю. Поэтому и считаю.

Он шумно выдохнул через нос — жест, который у обычных людей означал бы раздражение, а у Верховного мага, вероятно, был предвестником магического взрыва.

— Завтра в девять утра, — сказал он. — В моём кабинете. С отчётом о том, что вы нашли в хранилище. И если я узнаю, что вы что-то скрыли...

— То что? — я невинно захлопала ресницами. — Отчислите меня? Так я и так на испытательном сроке. Хуже уже не будет.

Он прищурился.

— Будет, адептка Винтер. Поверьте, будет.

И ушёл. Просто развернулся и стал подниматься по лестнице — высокий, прямой, как струна, и чертовски раздражающий в своей уверенности, что последнее слово всегда должно оставаться за ним.

Я выдохнула только тогда, когда его шаги стихли наверху.

Грон рухнул на каменный пол, привалившись спиной к стене.

— Девочка, — прохрипел он. — Ты либо самая храбрая женщина из всех, кого я встречал, либо самая сумасшедшая.

— Это взаимодополняющие понятия, — ответила я. — Лира, иди спать. Завтра я поговорю с Корвином. А ты пока никому ни слова. Поняла?

Она кивнула, всё ещё бледная, как полотно, и поспешила прочь.

Я осталась в коридоре вдвоём с Гроном.

— Что ты нашла? — спросил он тихо.

Я достала из кармана платок с серебряной чешуйкой.

— Улику, — сказала я. — Маленькую, но, кажется, важную. Кто-то был в хранилище до нас. И этот кто-то носил вещь с серебряной отделкой. У магистра Корвина есть перчатки с серебром, говоришь?

Грон кивнул.

— И у него есть ключ, — добавил он мрачно.

— Вот именно, — я убрала платок обратно. — А теперь — спать. Завтра нас ждёт весёлый разговор с ректором. И, кажется, он будет ещё веселее, чем сегодняшняя ночная прогулка.

Грон что-то проворчал про «ненормальных баб» и поплёлся к себе.

А я пошла в свою каморку под лестницей, легла на жёсткую кровать (про матрас я в суете дня забыла) и устала в тёмный потолок.

Первый день в магическом мире. Академия, ректор-козёл, кража артефакта, подозреваемый зам и серебряная чешуйка неизвестного происхождения.

Ну что ж, Алиса. Ты хотела приключений? Получи и распишись.

Я закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений. Завтра будет новый день. И новые проблемы.

А проблемы я любила. Они не давали скучать.

Глава 4. В которой я добываю кофе, слушаю сплетни и понимаю, что Академия — тот ещё серпентарий

Утро началось с осознания, что я сплю на досках. В прямом смысле. Кровать в моей каморке представляла собой деревянный каркас, на который кто-то заботливо положил то ли матрас, то ли мешок с опилками — тактильные ощущения не давали точного ответа. Спина ныла, шея затекла, а настроение было таким, что попадись мне сейчас лорд Рейн — я бы, пожалуй, рискнула испепелиться, но высказала бы ему всё.

Но лорда Рейна рядом не было. Зато был Грон, который встретил меня в коридоре с кружкой травяного настоя, благоухающего ромашкой так, будто здесь похоронили целое поле.

— Доброе утро, — прогудел он. — Как спалось?

— Как на допросе в налоговой, — честно ответила я. — Жёстко, тревожно и с ощущением, что тебя обсчитали.

Грон хмыкнул и протянул мне кружку.

— Попей. Ромашка. Успокаивает.

Я взяла кружку, понюхала и скривилась. Ромашка. Святая наивность. После десяти лет в корпоративном аду меня мог успокоить только двойной эспрессо. Или тройной. Или бутылка коньяка, но это уже по праздникам.

— Господин Грон, — сказала я, возвращая кружку. — Вы вчера обещали познакомить меня с магистром Мартой. Кофе, помните?

Он вздохнул с видом мученика, которого заставляют делать доброе дело против воли.

— Ладно, пошли. Только предупреждаю: Марта — женщина с характером. Если ты ей не понравишься, кофе не получишь. Даже если будешь угрожать, плакать или пытаться подкупить.

— Звучит как вызов, — улыбнулась я. — Обожаю.

— —

Кабинет магистра травологии находился в оранжерее на западной стороне Академии. Когда мы вошли, меня окутало влажное, густое тепло и запах сотен растений — мяты, мелиссы, розмарина, чего-то пряного и сладкого одновременно. Под высоким стеклянным куполом зеленели грядки, с потолка свисали кашпо с вьющимися растениями, а вдоль стен стояли стеллажи с банками, горшками и пучками сушёных трав.

За большим деревянным столом, спиной к нам, стояла женщина. Лет пятидесяти на вид, с коротко стриженными седыми волосами, одетая в простую зелёную робу с пятнами от земли и травяного сока. Она перетирала что-то в ступке, и звук этот был ритмичным, как метроном.

— Магистр Марта, — кашлянул Грон. — Я к вам... с посетительницей.

Женщина обернулась. У неё было лицо человека, который много знает и ещё больше молчит. Глаза — острые, серые, с прищуром, который обычно бывает у снайперов и школьных завучей.

— А, та самая Алессия, — произнесла она низким, чуть хриловатым голосом. — Которая взорвала восточное крыло, получила должность вместо отчисления и допрашивала Грона посреди ночи. Я о тебе уже слышала.

— Сарафанное радио в Академии работает отлично, — заметила я. — Надо будет взять на вооружение для оповещения студентов.

Марта хмыкнула.

— Что тебе нужно?

— Кофе, — честно сказала я. — Говорят, у вас есть.

Она отложила ступку, вытерла руки о передник и подошла ближе. Смерила меня взглядом с ног до головы — как тогда Грон, но гораздо более пронизательным.

— Кофе у меня есть, — подтвердила она. — Но просто так я его не даю.

— Я готова заплатить. Информацией, помощью или просто деньгами, если в этом мире они вообще имеют ценность.

Марта усмехнулась.

— Деньги имеют ценность везде, деточка. Но мне интереснее другое. Говорят, ты из другого мира.

Я бросила взгляд на Грона. Тот сделал невинное лицо и уткнулся в кружку с ромашкой.

— Не смотри на него, — сказала Марта. — Он ни при чём. У меня свои источники. Так это правда?

— Правда, — признала я. — Мой мир — без магии. Зато с кофе. И я очень хочу вернуть хотя бы один пункт из этого списка.

Она помолчала, разглядывая меня. Потом кивнула каким-то своим мыслям и жестом пригласила за стол.

— Садись. Угощу.

Через пять минут в моих руках дымилась чашка. Кофе был не такой, как дома — без кофемашины, сваренный в турке, с пряным привкусом кардамона и ещё каких-то трав. Но это был кофе. Крепкий. Горький. Настоящий.

Я сделала глоток и едва не застонала от удовольствия.

— Магистр Марта, — сказала я. — Если вам когда-нибудь понадобится моя помощь — считайте, что вы её уже получили.

— Легко ты покупаешься, — усмехнулась она, но в глазах мелькнуло что-то похожее на симпатию.

Следующие полчаса мы пили кофе и разговаривали. Марта оказалась кладезем информации. Она преподавала в Академии уже двадцать лет, пережила трёх ректоров и знала о здешних порядках всё.

— Рейн — четвёртый ректор за мою бытность, — рассказывала она, помешивая ложечкой в чашке. — Самый молодой. Ну, условно молодой — ему за четыреста, но выглядит как раз на сорок. Назначили десять лет назад, после того как предыдущий ректор... скажем так, ушёл на покой не по своей воле.

— Что случилось? — спросила я.

— Финансовые махинации, — Марта усмехнулась. — Кто-то годами воровал из бюджета Академии. Когда вскрылось, предыдущий ректор подал в отставку. Но слухи ходили, что он был не один. Что у него были сообщники среди преподавателей.

Я наострила уши.

— Кто именно?

— А вот это хороший вопрос, — она отпила кофе. — Официально обвинили только двоих — ректора и завхоза. Но я всегда считала, что третий ушёл незамеченным.

— Третий?

Марта посмотрела на меня долгим взглядом.

— Магистр Корвин, нынешний заместитель Рейна. Он тогда был простым преподавателем кафедры артефактов. Но очень... близким к ректору. И когда грянул скандал, Корвин каким-то чудом оказался ни при чём. Более того — ему досталась должность зама.

Я отставила чашку и подалась вперёд.

— Расскажите мне о Корвине.

Марта пожала плечами.

— Скользкий тип. Вежливый, обходительный, всегда с улыбкой. Из тех, кто говорит «моя дорогая» и «как я вас понимаю», а сам в это время прикидывает, как бы тебя использовать.

Рейн ему доверяет — они старые знакомые. Но я бы на месте ректора проверяла, куда Корвин тратит бюджет кафедры артефактов.

— Почему?

— Потому что денег у него всегда больше, чем должно быть, — сухо сказала Марта. —

Ты же у нас специалист по финансам? Вот и посчитай.

Я сделала себе мысленную пометку.

— Ещё вопрос. О серебряных перчатках. У Корвина есть такие?

У Марты дрогнула бровь.

— Есть. Семейная вещь, кажется. Он их носит почти постоянно — говорит, что они усиливают чувствительность к магии артефактов. А что?

— Просто любопытно, — уклончиво ответила я.

— Ну-ну, — Марта хмыкнула. — Любопытство, от которого у тебя глаза заблестели, как у ищейки, взявшей след. Ладно, не хочешь говорить — не надо. Но совет дам: будь осторожна с Корвином. Он не любит, когда кто-то суёт нос в его дела.

— Я не сую нос, — возразила я. — Я провожу аудит.

— Это одно и то же, — отрезала Марта. — Особенно если аудит ты, а суёт нос — в его бюджет.

Мы допили кофе, и я поднялась.

— Спасибо, магистр Марта. За кофе и за информацию.

— Заходи, — она кивнула. — Если будут ещё вопросы — задавай. И помни: здесь не любят чужаков. Но ещё больше не любят тех, кто задаёт правильные вопросы. Так что будь готова.

— Я всегда готова, — сказала я. — Это моя работа.

— —

Из оранжереи я вышла с твёрдым намерением найти магистра Корвина и посмотреть на эти пресловутые перчатки. Но судьба, как всегда, распорядилась иначе.

В коридоре меня перехватила Лира. Выглядела она чуть лучше, чем вчера — слёз не было, но глаза всё ещё красные, а лицо бледное.

— Алессия! — выдохнула она. — Я вас ищу. Ректор прислал записку. Он ждёт вас через час.

— Через час? — я нахмурилась. — Он же сказал — в девять утра.

— Уже девять, — сказала Лира. — Вы разве не заметили?

Я бросила взгляд в окно. Солнце стояло высоко. В оранжерее время текло иначе.

— Проклятье, — сказала я. — Ладно. У меня ещё есть время. Где кабинет Корвина?

— На третьем этаже восточной башни, — ответила Лира и вдруг побледнела ещё сильнее.

— Но... вы не пойдёте к нему прямо сейчас?

— Именно сейчас.

— Но он знает, что вы меня защищаете. И он... он не обрадуется.

— Я не за тем иду, чтобы его радовать, — сказала я. — Всё, Лира, спасибо. Жди меня в моей каморке. У меня будет к тебе ещё пара вопросов.

И я зашагала к восточной башне.

— —

Кабинет Корвина находился в конце длинного коридора, украшенного портретами преподавателей прошлых лет. Портреты, кстати, следили за мной глазами — буквально. Видимо, магия. Один старик в золотой мантии неодобрительно покачал головой, когда я прошла мимо.

— Слышь, дедуля, — пробормотала я под нос, — ты не знаешь, кто украл амулет? Молчишь? Ну и ладно.

Дверь кабинета была приоткрыта. Я уже хотела постучать, когда услышала голос. Два голоса.

Первый — вкрадчивый, мягкий, с нотками превосходства:

— ...не понимаю, Дамиан, почему ты вообще позволил этой выскочке остаться. Она — бездарность. Её место — за воротами Академии, а не в хозяйственном управлении.

Второй голос — резкий, холодный, знакомый:

— Мои решения я не обсуждаю даже с тобой, Корвин.

Я замерла. Рейн был внутри. С Корвином. И говорили они обо мне.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Я сделала шаг назад, чтобы не быть замеченной, но в этот момент портрет дедули в золотой мантии громко чихнул.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина. Высокий, худощавый, с бледным лицом и тёмными, зализанными назад волосами. Одет в строгую серую мантию, расшитую серебряными нитями. На руках — серебряные перчатки с тонкой вышивкой.

Те самые.

— А, — произнёс он, и его тонкие губы растянулись в улыбке, которая не коснулась глаз. — Адептка Винтер. А мы как раз о вас говорили.

За его спиной я увидела Рейна. Тот стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с выражением, которое я не смогла расшифровать.

— Доброе утро, лорд Рейн, магистр Корвин, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. — Прошу прощения, если прервала.

— Нисколько, — пропел Корвин. — Мы как раз обсуждали ваши... успехи. Лорд Рейн говорит, вы взялись расследовать кражу амулета. Это весьма... амбициозно.

Он сделал паузу перед словом «амбициозно», и я услышала в нём то, что осталось невысказанным: «глупо», «самонадеянно», «опасно».

— Я просто выполняю свою работу, — ответила я. — Как помощник ректора по хозяйственной части.

— Конечно, — Корвин улыбнулся ещё шире. — Что ж, не буду вам мешать. Дамиан, мы продолжим позже.

Он скользнул мимо меня — и на секунду я почувствовала странный запах. Не магия. Что-то другое. Что-то сладковатое, напомнившее мне о хранилище. Ладан? Засохшие розы?

Дверь за ним закрылась. Я осталась с Рейном вдвоём.

— Вы опоздали, — сказал он.

— Я была в оранжерее, — ответила я. — Добывала кофе. И информацию.

Он приподнял бровь.

— И что же за информацию вы добыли?

— Пока не уверена, что стоит делиться, — честно ответила я. — Гипотезы — не доказательства. А я предпочитаю работать с фактами.

— Факт номер один, — произнёс Рейн ледяным тоном. — Вы обещали отчёт о ночной вылазке в хранилище. Я слушаю.

Я вздохнула, собралась с мыслями и начала рассказывать. Про целый замок. Про стеклянный колпак, открытый ключом. Про серебряную чешуйку. Про то, что кто-то из «своих» украл амулет.

Рейн слушал молча, не перебивая. Когда я закончила, он долго смотрел на меня, и в его глазах читалось что-то, чего я раньше не видела. Не раздражение. Не презрение. Скорее... оценка. Так смотрят на неожиданно ценную находку.

— Вы неплохо поработали, — сказал он наконец. — Не ожидал.

— Это почти комплимент.

— Почти. Но у меня вопрос.

— Слушаю.

— Вы подозреваете магистра Корвина?

Я выдержала его взгляд.

— У меня нет доказательств. Только улики. Но если бы у меня было расследование и четыре подозреваемых, трое из которых — вы, Грон и студентка — я бы начала с четвертого.

— Почему не со студентки? — прищурился он.

— Потому что студентка рыдает в камере и не похожа на человека, способного проверить кражу и не оставить следов. А магистр Корвин — ваш зам, и у него есть серебряные перчатки.

Рейн помолчал.

— Осторожнее, адептка Винтер, — сказал он тихо. — Вы играете с огнём.

— Я знаю, — ответила я. — Но я из тех, кто носит с собой огнетушитель. В переносном смысле.

Он хмыкнул — почти усмехнулся, хотя на его лице это выглядело как лёгкое подёргивание уголка губ.

— Свободны. Но держите меня в курсе.

— Обязательно, лорд Рейн.

Я вышла из кабинета и только в коридоре позволила себе выдохнуть.

Корвин. Серебряные перчатки. Станный запах. И слова Марты о финансовых махинациях.

Дел становилось всё больше.

А кофе, кстати, уже закончился.

Глава 5. В которой я охочусь за документами, а магистр Корвин пытается меня переиграть

После разговора с Рейном я чувствовала себя выжатой, как лимон, который пропустили через соковыжималку дважды, а потом ещё и скалкой прошлись. Верховный маг обладал уникальной способностью вытягивать из человека все силы одним только взглядом. И если бы этот взгляд можно было конвертировать в электроэнергию, Академия забыла бы о магических светильниках навсегда.

Но у меня не было времени на рефлексию. Марта дала мне наводку — бюджет кафедры артефактов. Корвин носит серебряные перчатки — такие же, как чешуйка из хранилища. И теперь мне нужно было третье звено цепочки: документы.

В моём мире я бы просто зашла в бухгалтерию, улыбнулась тётке Зине и через полчаса получила бы распечатку счетов за последние три года. Здесь бухгалтерии не было. Зато был архив. И он находился в ведении Грона.

Я нашла коменданта в его каморке. Он сидел за столом, заваленным свитками, и пытался починить старый магический светильник, который не светил, а жалобно жужжал, как холодильник в последней стадии агонии.

— Господин Грон, — сказала я, присаживаясь на край стола (стул был занят каким-то ящиком). — Мне нужен доступ к финансовым отчётам кафедры артефактов за последние три года.

Он поднял на меня глаза, полные вселенской усталости.

— Ты с утра уже успела довести до нервного тика ректора, а теперь хочешь добить архив?

— С ректором мы достигли конструктивного диалога, — возразила я. — А архив — это не цель, а средство. Мне нужно понять, куда уходят деньги кафедры.

— На артефакты, — буркнул Грон. — На что же ещё?

— Вот это я и хочу проверить.

Он вздохнул, отложил светильник и достал из ящика стола ещё одну связку ключей — поменьше той, что висела у него на поясе.

— Архив в подвале, рядом с хранилищем. Но финансы кафедр хранятся в отдельном шкафу, и доступ к ним имеет только зам ректора. То есть Корвин.

Я мысленно выругалась.

— А вы? У вас есть ключ?

— У меня есть ключи от всего, — гордо сказал Грон. — Но без разрешения Корвина я не могу их выдать. Он — заместитель ректора по учебной части. Я — комендант. Моё дело — мётлы и светильники.

— А моё дело — порядок, — напомнила я. — И порядок требует, чтобы я увидела эти документы. Есть идеи, как это сделать без разрешения Корвина?

Грон помолчал, почесал бороду, потом наклонился ко мне и понизил голос:

— У Корвина сегодня после обеда лекция у пятого курса. Три часа. Кабинет будет пуст. Я улыбнулась.

— Господин Грон, вы — сокровище.

— Я знаю, — буркнул он. — Но если нас поймают, я скажу, что ты меня загипнотизировала.

— Уже второй раз за два дня. У вас алиби трещит по швам.

— Плевать. Всё лучше, чем объяснять Корвину, почему я пустил постороннюю адептку к его бумагам.

— —

План был прост: дождаться лекции, проникнуть в кабинет Корвина, найти финансовые отчёты и скопировать их (мысленно, потому что ксерокса в Академии не было, а магического аналога я пока не обнаружила). Звучало как типичная рабочая задача, только вместо офиса — магическая академия, а вместо корпоративного шпионажа — попытка поймать вора.

Я убила час, обходя восточное крыло с инспекцией. Рабочие, присланные Гроном, уже начали разбирать завалы после взрыва, и я с удовлетворением отметила, что смета, которую я составила, соблюдается. По крайней мере, никто не воровал стройматериалы прямо сейчас. Уже прогресс.

Когда колокол на главной башне пробил два часа пополудни, я направилась к восточной башне. Лекция у пятого курса длилась три часа. У меня было время.

Коридор перед кабинетом Корвина был пуст. Даже портреты на стенах, казалось, дремали. Я подошла к двери, достала из кармана ключ (Грон одолжил мне дубликат, скрепя сердце и бормоча молитвы) и осторожно вставила в замочную скважину.

Замок щёлкнул.

— Алиса, — прошептала я себе под нос, — если ты сейчас вляпаешься, то хотя бы с музыкой.

И вошла.

Кабинет Корвина был полной противоположностью кабинету Рейна. У ректора — сумрачная строгость, дуб, чёрная мантия. У Корвина — светлые тона, изящная мебель, серебряные канделябры. На стенах висели гобелены с изображением древних артефактов, а на полках стояли стеклянные витрины с образцами. Всё дышало богатством и вкусом — и именно это меня насторожило. Слишком дорого для преподавателя, даже зама ректора.

Я быстро осмотрела стол. Бумаги, расписания, стопка непроверенных работ студентов. Никаких финансовых отчётов. Тогда я перешла к шкафу у стены. Он был заперт.

— Ну конечно, — пробормотала я. — Если бы финансовые отчёты лежали на столе с надписью «компромат», было бы слишком просто.

Я уже собиралась применить ключ (Грон дал мне универсальную отмычку, объяснив, что «в хозяйстве всё пригодится»), когда за дверью послышались шаги. Быстрые, уверенные.

Я метнулась за гобелен, изображающий какой-то древний амулет, и затаила дыхание.

Дверь открылась. Вошёл Корвин.

Я мысленно выругалась. Три часа лекции? Серьёзно? У него что, студенты взбунтовались и выгнали его из аудитории?

Он прошёл к столу, взял какую-то папку и вдруг замер. Медленно обвёл кабинет взглядом. Мне показалось, что его взгляд задержался на гобелене, за которым я пряталась, и сердце у меня ушло в пятки.

— Странно, — произнёс он вполголоса. — Мне показалось...

Он сделал несколько шагов в мою сторону. Я перестала дышать.

И тут за дверью раздался грохот. Такой, будто что-то тяжёлое упало с лестницы.

Корвин резко обернулся и вышел в коридор. Я услышала его голос:

— Грон? Что вы здесь делаете?

— Да вот, светильник уронил! — донёсся ворчливый бас коменданта. — Чинил, понимаешь, и уронил. Всё в порядке, магистр, не беспокойтесь.

— В следующий раз чините в другом месте, — холодно сказал Корвин.

Шаги. Хлопок двери. Тишина.

Я выждала ещё минуту, потом выбралась из-за гобелена. Сердце колотилось где-то в горле. Грон. Старый плут. Он следил за коридором и в нужный момент устроил диверсию. Определённо, я должна ему ящик местного пива.

Я быстро подошла к шкафу, отперла его отмычкой и нашла то, что искала. Три толстые папки с финансовыми отчётами кафедры артефактов за последние годы.

Открыла первую. Пробежалась глазами по цифрам. Доходы, расходы, закупки ингредиентов, оплата лекций... Стоп. Закупки.

Я выхватила взглядом несколько строк. Ингредиенты для артефактов. Квартальные закупки. Суммы были впечатляющими — и все они шли через одного и того же поставщика. Какую-то «Южную гильдию артефакторов».

Я быстро прикинула в уме. Если хоть половина этих денег шла на реальные закупки, кафедра артефактов должна была ломиться от ингредиентов. Но, судя по тому, что я видела в учебных лабораториях (а я уже проверила две из трёх), запасы были скромными.

Несостыковка.

Я услышала шаги в коридоре и быстро сунула папки обратно. Заперла шкаф, метнулась к двери и выглянула наружу.

Грон. Живой и невредимый.

— Уходим, — шепнул он. — Корвин вернулся на лекцию, но может передумать.

Мы быстро пошли прочь от кабинета. Только завернув за угол, я позволила себе выдохнуть.

— Что ты нашла? — спросил Грон.

— Несостыковку в отчётах. И подставного поставщика. И ещё — уверенность, что Корвин что-то скрывает.

— Это не доказательство, — заметил Грон.

— Пока нет, — согласилась я. — Но это след. А по следам я умею ходить.

— —

Остаток дня я провела в своей каморке, пытаюсь систематизировать всё, что знала. Амулет пропал. Ключ был у четверых. Лира — невиновна, я была в этом уверена. Грон — невиновен, потому что помогал мне и искренне возмущался кражей. Рейн... Если бы Верховный маг захотел украсть амулет, он бы просто взял его. Ему не нужно красть собственные артефакты.

Остаётся Корвин. У него есть доступ, серебряные перчатки, странный запах и тёмное прошлое. Плюс — финансовые махинации, которые я только что обнаружила.

Но одно дело — знать. Другое — доказать.

Вечером, когда солнце уже начало клониться к горизонту, я решила прогуляться. Мысли требовали свежего воздуха, а ноги — хоть какой-то разминки. Я вышла во внутренний двор Академии — тот самый, который видела из окна своей каморки.

Двор был пуст. Только в дальнем углу, у старого фонтана, стояла одинокая фигура.

Я подошла ближе.

Рейн.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на воду. Фонтан не работал — в чаше скопилась дождевая вода, в которой отражались первые звёзды.

— Лорд Рейн, — сказала я, подходя. — Не ожидала вас здесь увидеть.

— Я иногда прихожу сюда подумать, — ответил он, не оборачиваясь. — Здесь тихо.

Я встала рядом. Мы молча смотрели на воду. Тишина была почти уютной.

— У вас есть что мне сообщить? — спросил он наконец.

— Пока нет, — ответила я. — Но скоро будет.

— Вы очень уверены в себе.

— Это мой единственный недостаток.

Он хмыкнул.

— Адептка Винтер, — произнёс он после паузы, — вы — самая странная женщина из всех, кого я встречал. И я прожил четырёста лет.

— Значит, до меня вам попадались скучные женщины, — резюмировала я.

— Безусловно.

Мы снова замолчали. Где-то в башне пробил колокол. Восемь часов.

— Спокойной ночи, лорд Рейн, — сказала я.

— Спокойной, — ответил он.

Я пошла прочь, чувствуя, как его взгляд упирается мне в спину.

«Алиса, — сказала я себе, — не вздумай. Он козёл. Помни об этом».

Но звёзды были красивыми, а вечер — слишком тихим.

В каморке меня ждала записка, подсунутая под дверь. Я развернула её и прочитала:

«Адептка Винтер, будьте осторожны. В Академии есть те, кому не нравится ваше любопытство. И они умеют делать так, чтобы любопытные исчезали. Ваш доброжелатель».

Я перечитала записку дважды. Почерк был незнакомый, бумага — обычная, без магических следов. Ни подписи, ни намёка на личность отправителя.

Я аккуратно сложила записку и убрала в карман.

— Значит, я на правильном пути, — сказала я вслух пустой каморке. — Раз мне начали угрожать.

И улыбнулась. В офисе меня тоже пытались запугать. Пару раз даже угрожали увольнением. А потом увольнялись сами.

Магический мир определённо не знал, с кем связался.

Глава 6. В которой угрозы становятся реальностью, а моя каморка превращается в место преступления

Утро встретило меня запахом гари.

Не такой гари, как от пожара — слава всем местным богам, восточное крыло больше не пылало. А такой — едва уловимой, химической, с примесью серы и ещё чего-то, от чего першило в горле. Я открыла глаза и села на кровати, пытаясь понять, откуда тянет.

Запах шёл из коридора. И он усиливался.

Я накинула мантию поверх ночной рубашки (да, в Академии спали в ночных рубашках — ещё один пункт в список «вещей, которые бесят меня в магическом мире»), сунула ноги в туфли и выглянула за дверь.

Коридор был пуст, но в воздухе висела лёгкая дымка. Она стелилась по полу, как туман над рекой, и тянулась откуда-то со стороны учебных лабораторий. Я почувствовала, как внутри всё сжалось в нехорошем предчувствии.

— Грон! — позвала я, не особо надеясь, что он услышит.

Но он услышал. Из-за поворота вынырнула знакомая коренастая фигура в ночном колпаке. Судя по выражению лица, разбудили его не в первый раз за это утро.

— Что опять? — прорычал он, но тут же замер, приняхиваясь. — А это ещё что за тролля отрыжка?

— Я надеюсь, что вы мне скажете.

Мы двинулись на запах. Чем ближе к лабораториям, тем гуще становилась дымка. Она щипала глаза и оставляла на языке металлический привкус.

У двери в лабораторию зелий стояли двое. Магистр Марта — с бледным лицом и плотно сжатыми губами — и лорд Рейн. Ректор был в той же чёрной мантии (он что, никогда её не снимает? спит в ней?), но в кои-то веки выглядел не идеально: волосы чуть растрёпаны, под глазами залегли тени, а во взгляде читалось плохо скрываемое бешенство.

— Что случилось? — спросила я, подходя.

— Диверсия, — коротко ответил Рейн. — Кто-то вскрыл шкаф с реактивами и смешал два запрещённых ингредиента. Результат — ядовитый дым, который сейчас расползается по всему этажу.

Я заглянула в лабораторию. Стекланный шкаф у стены был распахнут. На полу валялись осколки колб, а из разбитой банки выползала та самая дымка — густая, зеленоватая, жутко напоминающая спецэффекты из дешёвого фильма ужасов.

— Студентов эвакуировали? — спросила я.

— Студенты на каникулах через неделю, — отрывисто бросила Марта. — Большинство уже разъехались. На этаже только преподаватели и персонал.

— И одна особо любопытная адептка, — добавил Рейн, и его взгляд на секунду задержался на мне. — Которая почему-то всегда оказывается поблизости, когда что-то случается.

Я не стала оправдываться. Во-первых, он был прав: я действительно всегда оказывалась поблизости. Во-вторых, оправдания — удел слабых. А в-третьих, у меня в голове уже щёлкали шестерёнки.

— Когда это произошло? — спросила я.

— Час назад, — ответила Марта. — Я пришла готовить аудиторию к лекции и почувствовала запах.

— Час назад, — повторила я. — Ночью. Когда все спали.

— Кроме вас, — заметил Рейн.

— И того, кто это устроил, — парировала я.

Он ничего не ответил, только поджал губы.

Я наклонилась к осколкам, стараясь ничего не касаться. Рядом со шкафом, на полу, что-то блестело. Маленькое. Серебряное.

Чешуйка.

Точно такая же, как в хранилище.

Я выпрямилась и посмотрела на Рейна.

— Лорд Рейн, — сказала я тихо. — Я знаю, кто это сделал.

Он прищурился.

— У вас есть доказательства?

— Почти. Но чтобы их получить, мне нужно ещё немного времени.

— У вас нет времени, — отрезал он. — Через час состоится собрание преподавательского совета. Я хочу видеть вас там.

— Зачем?

— Затем, что у магистра Корвина есть что сказать, — произнёс он ледяным тоном. — И это касается вас.

— —

Собрание проходило в Большом зале Академии — том самом, где обычно обедали студенты. Только теперь обеденные столы были сдвинуты в сторону, а в центре стоял длинный дубовый стол для совета. За ним уже сидели преподаватели — около дюжины магов разных возрастов и специальностей. Я узнала Марту, сидевшую с краю с непроницаемым лицом, и Грона, которому явно было не по себе.

Во главе стола восседал Рейн. По правую руку от него — Корвин. И когда я вошла, он улыбнулся мне своей фирменной улыбкой — вежливой, холодной и многообещающей. Так улыбается кот, загнавший мышь в угол.

— А, adeptка Винтер, — пропел он. — Как удачно, что вы пришли. У меня как раз есть к вам несколько вопросов.

Я остановилась у края стола, не садясь. Стоять было удобнее: если придётся бежать, я уже на низком старте.

— Задавайте, — сказала я.

— Что ж, — Корвин откинулся на спинку стула. — Начнём с простого. Прошлой ночью вы проникли в мой кабинет. Не отрицайте.

В зале повисла тишина. Марта бросила на меня быстрый взгляд. Грон побледнел.

— Не отрицаю, — спокойно ответила я. — Я действительно заходила в ваш кабинет. В рамках своих обязанностей по инвентаризации.

— Инвентаризация не включает в себя взлом шкафа с финансовыми отчётами, — Корвин подался вперёд. — Вы искали что-то конкретное, adeptка. Что же?

— Порядок, — ответила я. — А порядок требует, чтобы в отчётах сходились цифры. У вас они не сходятся.

По залу прокатился шёпот.

— Это серьёзное обвинение, — произнёс один из преподавателей, пожилой маг в золотой мантии.

— Это не обвинение, — возразила я. — Это констатация факта. Я видела отчёты. Деньги, выделенные на закупки ингредиентов для артефактов, уходят в «Южную гильдию артефакторов». Но в лабораториях кафедры нет и половины того, что должно быть согласно счетам. Вывод: либо поставщик не доставляет товар, либо...

— Либо что? — подсказал Корвин, и его улыбка стала шире.

— Либо деньги идут не на ингредиенты.

Он рассмеялся. Искренне, звонко — так, что у меня мороз пробежал по коже. Потому что смех этот был смехом человека, который уже всё продумал на десять ходов вперёд.

— Ах, адептка Винтер, — проговорил он, отсмеявшись. — Вы такая... предсказуемая. Я знал, что вы сунете нос в отчёты. Знал с того самого момента, как вы появились в Академии. Именно поэтому я подготовил кое-что заранее.

Он щёлкнул пальцами, и перед ним материализовалась папка — пухлая, в кожаном переплёте.

— Здесь — полный отчёт о закупках кафедры артефактов за последние пять лет, — объявил он громко, чтобы слышали все. — Каждая сделка заверена поставщиком. Каждая позиция подтверждена накладными. И здесь же, — он открыл папку на последней странице, — заключение независимого аудитора из столицы. Магистра Грегориуса Вейна. Все счета в порядке. Все ингредиенты на местах. А те недостатки, о которых говорит адептка, — плод её фантазии. Или, что вероятнее, попытка очернить меня, чтобы скрыть собственные преступления.

— Собственные преступления? — переспросила я.

— Да, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Вы украли амулет рода Виндзор.

Зал взорвался голосами. Рейн ударил ладонью по столу, призывая к тишине.

— Обвинение серьёзное, — сказал он. — Доказательства, Корвин?

— С удовольствием, — он снова щёлкнул пальцами, и на столе появилась вторая папка. — Показания трёх студентов, которые видели адептку Винтер входящей в малое хранилище за день до пропажи амулета. Следы магии, идентичные ауре адептки, обнаруженные на стеклянном колпаке. И — главное — сам амулет.

Он вытащил из папки маленький бархатный мешочек и высыпал на стол содержимое.

Амулет. Семейный артефакт рода Виндзор — изящная серебряная цепочка с камнем, который светился изнутри мягким голубым светом. Я видела его впервые в жизни, но сразу поняла: это он.

— Где вы его нашли? — спросил Рейн ледяным тоном.

— В каморке адептки, — ответил Корвин. — Сегодня утром. Мои люди провели обыск, пока вы все были заняты дымовой завесой.

Вот оно. Вот для чего была диверсия с колбами. Не чтобы навредить. Чтобы отвлечь всех, пока Корвин подбрасывает мне амулет.

Классика. В моём мире менеджеры проделывали такое каждый квартал: подставить коллегу, пока та разгребает последствия маленького кризиса, который ты сам же и устроил. Но здесь, в магической академии, ставки были выше.

— Это ложь, — сказала я. — Амулет мне подбросили.

— Разумеется, — кивнул Корвин. — Все так говорят.

По залу прокатился смешок. Я обвела взглядом лица преподавателей. Одни смотрели на меня с подозрением, другие — с жалостью, третьи — с плохо скрываемым злорадством. И только трое глядели иначе: Марта — с тревогой, Грон — с бессильной яростью, и Рейн...

Рейн смотрел на меня так, будто решал сложную магическую задачу. В его глазах читалась работа мысли — быстрая, напряжённая, но совершенно недоступная для постороннего.

— Лорд Рейн, — подал голос пожилой маг в золотой мантии. — Доказательства очевидны. Адептку необходимо отчислить и передать страже.

— Погодите, — сказал Рейн.

Все замерли.

— Магистр Корвин, — произнёс он, и каждое его слово падало в тишину, как камень в воду. — Вы утверждаете, что нашли амулет сегодня утром?

— Да.

— Во время обыска?

— Да.

— Кто проводил обыск?

Корвин чуть замолчал, словно ожидал другого вопроса.

— Мои люди, — сказал он осторожно. — Из числа доверенных сотрудников кафедры.
— Те самые, которых вы не предъявили мне для утверждения в начале семестра?

Корвин побледнел.

— Я... у меня было разрешение предыдущего ректора.

— Предыдущего ректора, — медленно произнёс Рейн, — сместили за финансовые махинации. Я не доверяю ни одному документу, подписанному им. Особенно тому, о котором узнаю только сейчас.

Он встал. Возвышался над столом, как скала над морем. Чёрная мантия, казалось, стала ещё чернее от его ярости.

— Я хочу видеть протокол обыска. С датой, подписями и магической печатью. Я хочу видеть показания студентов — допросить каждого лично. Я хочу видеть аудитора, которого вы упомянули — магистра Вейна. И пока я не увижу все документы, адептка Винтер остаётся в Академии. Под мою личную ответственность.

— Дамиан, ты делаешь ошибку! — воскликнул Корвин, и его маска на секунду треснула.
— Эта женщина — самозванка! Она из другого мира! Она дурачит тебя!

Рейн посмотрел на него долгим взглядом.

— Возможно, — тихо сказал он. — Но если кто и дурачит меня, Корвин, то точно не она. В зале повисла мёртвая тишина.

— Собрание окончено, — объявил Рейн. — Все свободны. Адептка Винтер, задержитесь.
— —

Когда последний преподаватель вышел, Рейн остался стоять у стола. Я — у двери. Между нами было метров десять, но мне казалось, что он слышит, как колотится моё сердце.

— Почему? — спросила я. — Почему вы меня защищаете? У вас нет причин мне верить. Мы знакомы меньше недели. Я — попаданка без магии, которую все вокруг считают бездарностью. Всё, что сказал Корвин, звучит логично. А то, что говорю я, — безумно. Так почему?

Он молчал. Подошёл к окну, посмотрел на серое небо. Потом повернулся ко мне.

— Потому что вы, адептка Винтер, — единственный человек в этой Академии, который говорит мне правду. Неприятную. Неудобную. Но правду. Все остальные либо боятся, либо лгут. А вы... вы смотрите мне в глаза и требуете отчётов. Так смотрит на ректора только бухгалтер.

Я невольно усмехнулась.

— Вообще-то, — поправила я, — я кризис-менеджер. Бухгалтер — это немного другое.

— Неважно, — он отмахнулся. — Суть вы поняли.

— Значит, вы мне верите?

— Я этого не говорил, — он позволил себе тень улыбки. — Я сказал, что вы говорите правду. Но правда не всегда означает невиновность.

— Я не крада амулет.

— Я знаю, — кивнул он. — Потому что это сделал Корвин. И теперь я это тоже знаю.

Я уставилась на него.

— Вы догадались только что? На собрании?

— Я догадался позавчера, — он поджал губы. — Когда вы нашли серебряную чешуйку. Но догадка — не доказательство. Мне нужно было, чтобы он выдал себя. И сегодня он это сделал.

— А я, значит, была наживкой? — спросила я, и в голосе прозвенела сталь. — Вы позволили ему подбросить мне амулет.

— Нет, — он качнул головой. — Я не ожидал, что он зайдёт так далеко. И сожалею.

— Сожалеете? — я сделала шаг к нему. — Лорд Рейн, меня чуть не отдали под суд магической стражи.

— И я бы этого не допустил.

— Откуда мне знать?

— Оттуда, что я только что встал на вашу сторону перед всем преподавательским советом, — отрезал он. — Против своего зама. Против человека, которого знал двести лет. Я рискнул репутацией, адептка Винтер. Цените.

Мы стояли друг напротив друга — я, растрёпанная, в мятой мантии, и он, холодный, как арктический лёд. Воздух между нами дрожал, как над раскалённой плитой.

— Ладно, — сказала я наконец. — Допустим, я ценю. Что дальше?

— Дальше, — он отвернулся к окну, — дайте мне день. Я добуду бумаги, которые изобличат Корвина. А вы пока будете сидеть в своей каморке и никуда не высовываться.

— Я похожа на того, кто сидит и не высовывается?

— Нет, — он усмехнулся, и я впервые увидела его улыбку — настоящую, не саркастичную. — Поэтому я приставлю к вам Грона.

Я представила Грона, сидящего у моей двери с топориком, и вздохнула.

— Ладно. Но если вы не добудете бумаги, это сделаю я. И тогда уж без вашего разрешения.

— Не сомневаюсь, — ответил Рейн.

Я пошла к двери, но у самого порога остановилась.

— Лорд Рейн.

— Да?

— Спасибо. Что встали на мою сторону.

Он не обернулся. Но я услышала, как он тихо сказал:

— Пока не за что. Поблагодарите, когда мы выиграем.

— —

В коридоре меня ждал Грон. С топориком.

— Ну что? — спросил он тревожно.

— План такой, — сказала я. — Вы сидите у моей двери и никого не пускаете. А я сижу в каморке и думаю.

— О чём?

— О «Южной гильдии артефакторов», — ответила я. — И о том, куда на самом деле уходят деньги с фальшивых закупок.

— И куда же?

— Понятия не имею, — признала я. — Но я узнаю.

Грон покачал головой и пробормотал себе под нос что-то про «упрямую женщину, которая доведёт его до седых волос раньше срока».

А я закрыла дверь каморки, села на скрипнувший стул и достала чистый лист пергамента.

Итак, Алиса. Ты — подозреваемая в краже. Твой единственный союзник — ректор, который тебе не доверяет. Твой враг — зам ректора с двумя сотнями лет опыта интриг. И у тебя есть только одна зацепка: «Южная гильдия артефакторов».

Я написала на пергаменте:

«Доказать невиновность. Найти настоящего вора. Разорить „Южную гильдию“. Выжить».

Перечитала, усмехнулась и добавила:

«И перестать наконец думать о том, как красиво его глаза сверкали, когда он сказал: „Я бы этого не допустил“».

— Дура, — сказала я вслух. — Соберись.

И продолжила думать.

Глава 7. В которой я наношу визит в «Южную гильдию», а Грон вспоминает, зачем гному топорик

Ночь я провела без сна.

Не потому, что боялась — хотя арест маячил на горизонте отчётливей, чем дедлайн по квартальному отчёту. А потому, что думала. Думала о «Южной гильдии артефакторов», о фальшивых накладных, о Корвине, который улыбался мне через стол с видом победителя. И о Рейне.

О Рейне я думала чаще, чем следовало.

«Алиса, — говорила я себе, лёжа на жёстком матрасе и глядя в тёмный потолок, — тебе тридцать два года. Ты разводилась с абьюзером. Ты платила ипотеку. Ты вытаскивала из кризиса компании, которыми руководили люди с интеллектом табуретки. И ты собираешься раскисать из-за мужика, который носит мантию и смотрит на тебя как на бухгалтерскую ошибку? Возьми себя в руки».

Внутренний голос был прав. Но спать всё равно не получалось.

На рассвете я встала, умылась ледяной водой из кувшина (тёплой воды в каморке не было — ещё один пункт в список «провести ревизию бытовых условий») и написала записку Грону. Всего два слова: «Пора навестить гильдию».

Ответ пришёл быстрее, чем я ожидала. Грон явился лично, с топориком на поясе и выражением лица, которое говорило: «Я слишком стар для этого дерьма, но ради тебя, так и быть, ввяжусь».

— Ты серьёзно? — спросил он с порога. — «Южная гильдия»? Это в трёх часах езды отсюда. У них там охрана, магические печати и репутация не из приятных.

— У нас выбора нет, — ответила я. — Корвин подделал документы, это ясно. Но чтобы это доказать, нужен свидетель. Тот, кто видел настоящие накладные. И этот свидетель — в гильдии.

— Или в канаве за городом, — мрачно добавил Грон. — Человек, который согласится дать показания против зама ректора, долго не живёт.

— Поэтому мы едем прямо сейчас. Без предупреждения. Без огласки.

— На чём? — он прищурился. — У тебя есть карета?

— У Академии есть хозяйственная повозка, — я улыбнулась. — Вы же комендант. У вас ключи.

— Ты хочешь украсть академическую повозку?

— Одолжить. На время. В рамках хозяйственной необходимости.

Грон посмотрел на меня так, будто впервые в жизни усомнился в собственном рассудке.

— Знаешь, — сказал он наконец, — когда я устраивался в Академию, я думал, что буду красить стены и менять светильники. Не знал, что придётся угонять транспорт ради сумасшедшей попанки.

— Никто не знает своего будущего, — философски заметила я. — Поехали.

— —

Хозяйственная повозка оказалась крытым фургоном, запряжённым парой низкорослых мохнатых лошадок. Они косили на меня влажными глазами и жевали удила с таким видом, будто тоже сомневались в моей адекватности.

Грон забрался на козлы, я села рядом. Утро было серым, небо затянуто облаками, воздух пах влажной землёй и приближающимся дождём. Идеальная погода для тайной поездки в логово предполагаемых мошенников.

— Рассказывай, — сказал Грон, когда Академия скрылась за холмом. — Что ты надеешься найти в гильдии?

— Живого человека, — ответила я. — Который подписывал накладные с той стороны.

— А если он не захочет говорить?

— Захочет, — я похлопала по сумке на поясе. — У меня с собой копии отчётов Корвина. Если показать гильдии, что их используют для отмыва денег, они либо выдадут мне виновного, либо станут соучастниками.

— Либо уберут тебя как свидетеля.

— Поэтому я взяла вас.

— Льстишь, — буркнул он, но уголок рта дрогнул.

Дорога была ухабистая. Я тряслась на жёстком сиденье и думала о том, что в моём мире уже изобрели асфальт и амортизаторы. Здесь, судя по всему, прогресс остановился на стадии «булыжник — верх комфорта».

Через два часа мы въехали в небольшой городок у подножия гор. Данмар — так он назывался, если верить карте, которую Грон сунул мне перед выездом. Узкие улочки, каменные дома, вывески с изображением магических символов. И где-то здесь — «Южная гильдия артефакторов».

— Нам нужен складской квартал, — сказал Грон. — Гильдии обычно держат конторы при складах.

Он направил лошадей в боковую улочку, и вскоре мы остановились перед массивным зданием с вывеской «Южная гильдия артефакторов. Поставки. Закупки. Оценка».

Я спрыгнула на землю.

— Ждите меня здесь.

— Ещё чего, — Грон слез следом и проверил топорик. — Я с тобой.

— Если там опасно...

— Именно поэтому я с тобой, — отрезал он. — Не спорь.

Внутри пахло деревом, пылью и магией. Холл был просторным, с высокими потолками и стойкой, за которой сидел молодой парень в серой форме. Увидев нас, он поднял голову и изобразил дежурную улыбку.

— Добрый день. Чем могу помочь?

— Я хотела бы увидеть вашего старшего клерка, — сказала я. — По вопросу сверки накладных.

— По какому контракту?

— Академия Стихий, — я выдержала паузу. — Кафедра артефактов. Магистр Корвин. Улыбка парня чуть дрогнула. Совсем незаметно, но я заметила. Он узнал имя.

— Одну минуту, — сказал он и скрылся за дверью.

— Не нравится мне это, — проворчал Грон.

— Мне тоже. Но мы уже здесь.

Парень вернулся через пару минут с мужчиной лет пятидесяти. Тот был одет в добротный сюртук, на носу сидели очки в тонкой оправе. Выглядел как банковский служащий — вежливый, предупредительный и насквозь фальшивый.

— Госпожа?.. — он вопросительно поднял бровь.

— Алессия Винтер, помощник ректора Академии Стихий по административно-хозяйственной работе. Я провожу аудит закупок кафедры артефактов и хотела бы сверить несколько накладных.

— Разумеется, — он кивнул. — Но, боюсь, это займёт время. Не могли бы вы оставить запрос и...

— Я могу и подождать, — перебила я.

Он чуть нахмурился. Потом вежливо улыбнулся снова.

— Что ж, пройдемте в кабинет.

Мы двинулись по коридору. Грон шёл за мной, и я слышала, как поскрипывает кожа его ремня — он держал руку на топорике. В кабинете, куда нас привели, стоял стол, несколько стульев и шкаф с документами.

— Я принесу бумаги, — сказал мужчина и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Он запер, — тихо сказал Грон.

— Я слышала.

— Это ловушка.

— Знаю.

— И что будем делать?

— То, ради чего приехали, — я подошла к шкафу. — Смотреть документы. У нас есть примерно пять минут, пока он не вернулся с подмогой.

Я дернула дверцу шкафа и — о чудо — она открылась. Внутри стояли папки с номерами контрактов. Я пробежалась пальцами по корешкам, нашла помеченный «Академия Стихий. Каф. артеф.» и вытащила его.

— Смотри, — я раскрыла папку на столе. — Вот они. Настоящие накладные.

Грон заглянул через моё плечо.

— И что мы видим?

— Мы видим, что суммы в них, — я ткнула пальцем в цифры, — втрое меньше тех, что Корвин указывает в своих отчётах.

Я быстро пролистала ещё несколько страниц. Та же картина. Деньги, уходившие из Академии по документам Корвина, не доходили до гильдии. Кто-то оседал посередине. И этот «кто-то» — сам Корвин.

— Вот оно, — прошептала я. — Доказательство.

— У нас нет времени переписывать, — сказал Грон.

— И не надо.

Я вытащила из сумки чистый лист, приложила его к накладной и быстро перерисовала цифры от руки. Грубо, но разборчиво. Потом взяла со стола печать гильдии — самую простую, для входящей корреспонденции — и приложила к своему листу.

— Ты подделываешь документ? — поразился Грон.

— Я заверяю копию, — поправила я. — Это разные вещи.

— В суде магической стражи это назовут по-другому.

— Когда мы дойдём до суда, у нас будет оригинал. А пока сойдёт и это.

За дверью послышались шаги. Много шагов.

— Уходим, — сказала я, запихивая лист в сумку.

— Через окно, — Грон уже распахивал створки. — Тут невысоко.

Мы вывалились наружу как раз в тот момент, когда дверь кабинета распахнулась. Я успела увидеть, как в комнату входят четверо в серых плащах, а потом мы уже бежали по задворкам к повозке.

— Стоять! — донеслось сзади.

— Ага, сейчас, — пробормотал Грон, запрыгивая на козлы. — Разбежались.

Лошади взяли с места так резво, будто тоже понимали: лучше не оборачиваться.

— —

Обратную дорогу мы проделали в молчании. Я держалась за край повозки и смотрела, как мимо проплывают поля и перелески, а в голове крутилась одна мысль: «У нас есть доказательство». Пусть пока копия, пусть заверенная украденной печатью, но у нас есть бумага, которая покажет Рейну правду.

В Академию мы въехали затемно. В окнах горели магические светильники, и в их неровном свете каменные стены казались живыми.

— Я отведу лошадей, — сказал Грон. — А ты иди к себе. И запишись.

— Обязательно, — пообещала я.

Но когда я подошла к своей каморке, дверь была приоткрыта.

Внутри кто-то побывал. Мой стол перевернут, ящик с вещами выпотрошен, постель скомкана. На полу валялся разбитый стаканчик из-под кофе — тот самый, единственный, который напоминал мне о доме.

А на стене, приколотое булавкой к деревянной панели, висело новое послание.

Я подошла ближе, чувствуя, как сердце проваливается в пятки.

На пергаменте, аккуратным почерком, было написано:

«Следующей будет не каморка. Следующей будешь ты».

Внизу, вместо подписи, красовался отпечаток серебряной перчатки.

Глава 8. В которой я показываю карты, Корвин делает ставку, а правда выходит наружу

Я провела остаток ночи у Грона в каморке. Сидела на ящике с какими-то запчастями, закутавшись в его запасной сюртук, и смотрела, как старый гном точит топорик.

— Может, к ректору пойдём? — спросил он в третий раз за час.

— Ночью? Чтобы Корвин узнал, что я вернулась, и закончил начатое? Нет уж.

— Тогда чего ты ждёшь?

— Рассвета, — ответила я. — Когда все увидят, что я жива и здорова, а Корвин — что его угроза не сработала.

— Стратег, — хмыкнул Грон.

— Менеджер.

Рассвет пришёл серый и тихий. Я умылась, привела себя в порядок (сюртук пришлось вернуть, и теперь я снова была в мятой мантии, но хотя бы с прямой спиной) и направилась напрямик к кабинету ректора.

Без стука. Без предупреждения. Просто открыла дверь и вошла.

Рейн сидел за столом, перед ним лежали какие-то бумаги. При виде меня он поднял голову, и его брови чуть приподнялись — насколько это вообще было возможно для его аристократического лица.

— Адептка Винтер, — произнёс он. — Вы живы.

— И вам доброе утро, — ответила я. — Разочарованы?

— Скорее удивлён. После того как Грон доложил, что вы отправились в «Южную гильдию», я полагал, что следующей новостью станет ваш арест. Или похороны.

— Похороны откладываются, — я вытащила из сумки сложенный лист пергамента и положила перед ним. — У меня есть доказательство.

Он взял лист. Развернул. Прочитал. Лицо его, и без того не склонное к излишней эмоциональности, застыло маской.

— Это копия накладной, — сказал он.

— Заверенная печатью «Южной гильдии». Сравните с теми цифрами, что Корвин показывал на совете. Деньги, которые он списывал, в гильдию не приходили. Они оседали где-то по пути. Вернее — у Корвина в кармане.

Рейн поднял на меня глаза. В них читалось не удивление. Скорее — мрачное торжество правоты.

— Я знал, — сказал он тихо. — Догадывался. Но не мог доказать.

— Теперь можете, — я кивнула на лист.

— Этого мало, — он поднялся. — Нужен оригинал.

— Оригиналу в гильдии. Но после нашего визита они наверняка всё перепрятали. Нам нужен тот, кто подтвердит подлинность этой копии. Кто работал с Корвином напрямую.

Рейн задумался, прохаживаясь вдоль окна. Потом остановился.

— Казначей, — сказал он. — Не академический — у нас нет такой должности. А городской. Тот, через которого проходят все крупные сделки. Если Корвин переводил деньги, они шли через городской банк. А банк ведёт учёт.

— И вы можете получить доступ к банковским записям?

— Я Верховный маг, — напомнил он. — Могу всё. Но на это уйдёт день, может, два.

— У меня нет двух дней, — сказала я. — Корвин знает, что я копаю под него. Сегодня ночью он оставил мне послание.

Я показала ему записку, которую сняла со стены каморки. Оттиск серебряной перчатки всё ещё был виден.

Рейн посмотрел на пергамент. Потом на меня. И в его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видела. Страх? За меня? Нет, показалось.

— Вы не останетесь сегодня одна, — сказал он. — Я прикажу Грону...

— Не надо, — перебила я. — Грон уже дважды спасал мне жизнь за эту неделю. Если так пойдёт дальше, он потребует надбавку за вредность.

— Вы шутите, — он прищурился.

— Это защитная реакция. И дайте мне договорить. Я не собираюсь сидеть и ждать, пока вы получите банковские записи. Я хочу допросить Корвина сама.

Рейн замер.

— Это исключено.

— Почему?

— Потому что он опасен.

— Я знаю. Но он — единственный, кто может вывести меня на настоящего похитителя амулета. Если он подбросил его мне, значит, амулет был у него. И я хочу знать, куда он его дел.

— Амулет у меня, — напомнил Рейн.

— У вас — амулет. А у Корвина — мотив. И я хочу выбить из него признание.

Рейн хотел возразить, но не успел.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошёл он.

Корвин.

Без стука. Без обычной своей улыбки. Бледный, с горящими глазами и кривой усмешкой, которая больше напоминала оскал.

— Дамиан, — произнёс он, игнорируя меня. — Нам нужно поговорить.

— О чём? — холодно спросил Рейн.

Корвин наконец перевёл взгляд на меня.

— О ней. О том, что она самозванка. И что я могу доказать это прямо сейчас.

Я напряглась. В кармане мантии у меня лежали две вещи: копия накладной и записка с угрозой. Ни та, ни другая не спасут меня от того, что собирался сказать Корвин. А он собирался — я видела это по лицу.

— Давай, — сказала я. — Доказывай.

Он улыбнулся — на этот раз той самой, кошачьей улыбкой.

— Адептка Алессия Винтер, — громко произнёс он, — умерла полгода назад. Её тело нашли при странных обстоятельствах, родители опознали. С тех пор никто не слышал о ней до того дня, когда вы появились в Академии. Вы — не Алессия. Вы — та, кто занял мёртвое тело. Некромантия. Подселение. Или что-то хуже.

Я молчала.

— У меня есть свидетель, — продолжал Корвин. — Купец из восточных земель, который видел, как Алессию хоронили. Он прибудет в Академию завтра. И тогда всем станет ясно, кто вы на самом деле.

— Зачем ты это делаешь? — тихо спросил Рейн.

— Потому что ты ей веришь, — отрезал Корвин. — А она лжёт. С первого дня. О себе. О том, кто она. О том, зачем она здесь.

Я сделала шаг вперёд.

— Вы правы, магистр Корвин. Я — не Алессия Винтер. Я — Алиса Морозова. Тридцать два года. Кризис-менеджер. Разведена. Ипотека. И я понятия не имею, как я оказалась в этом теле и в этом мире. Но я не воровка и не самозванка. Я просто женщина, которая пыталась навести порядок там, где его никогда не было. И вы боитесь меня именно поэтому.

Корвин открыл рот, но я не дала ему сказать.

— Да, я из другого мира. Да, я попала сюда случайно. Но пока вы тут разводили интриги и воровали деньги, я делала то, что должна была: чинила крыло, проверяла счета, искала вора, который стащил амулет и подставил невинную. И я его нашла.

Я вытащила из кармана копию накладной и бросила на стол перед Корвином.

— Здесь доказательство того, что вы годами воровали деньги Академии. Сегодня я передам это магической страже.

В кабинете повисла тишина. Корвин смотрел на бумагу — и медленно бледнел.

Потом он рассмеялся.

Это был смех человека, который проиграл. Который шёл ва-банк и понял, что карта бита.

— Ты... — начал он, глядя на Рейна.

— Уходи, — перебил Рейн. — У тебя есть час, чтобы покинуть Академию.

— Ты не посмеешь.

— Час, — повторил Рейн.

И Корвин ушёл. Без слов. Без угроз. Просто повернулся и вышел.

Я выдохнула.

— Вы дали ему уйти, — сказала я.

— Я дал ему час, — поправил Рейн. — Я не убиваю людей, с которыми работал двести лет. Даже предателей.

Я покачала головой.

— Вы слишком благородны для этого мира.

— А вы, — он посмотрел мне прямо в глаза, — Алиса. Так, кажется?

Я вздрогнула.

— Теперь вы знаете.

— Теперь я знаю, — кивнул он. — И что мне с этим делать?

— Не знаю. Решать вам. Можете отчислить. Можете сдать страже. Можете просто сделать вид, что ничего не слышали.

Он долго смотрел на меня. Я ждала приговора. Сердце колотилось, как у стажёра на первом отчёте перед генеральным.

— Знаете, что я слышал? — спросил он наконец.

— Что?

— Что вы не лгали. Ни разу. Вы скрыли правду о себе — но не лгали. О счетах, об амулете, о Корвине. И я... ценю это.

— Это не комплимент? — уточнила я.

— Это констатация факта, — он позволил себе лёгкую усмешку. — Адептка Винтер. То есть... Алиса.

Я почувствовала, как внутри что-то отпускает. Как будто всё это время я держала в руках тяжёлый груз, а теперь наконец положила его на стол. Перед тем, кому не всё равно.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — ответил он. — Пока не за что.

Но в его глазах я прочитала другое.

—

Я вышла из кабинета и обнаружила, что у двери, привалившись к стене, стоит Грон. С топориком, конечно.

— Ну? — спросил он.

— Корвин уходит. У него час.

— А ты?

— А я, — я улыбнулась, — кажется, остаюсь.

Грон помолчал.

— Значит, допросила, — сказал он. — И выбила признание.

— Почти. Он сам раскрылся. Я только нажала на нужные рычаги.

— Куда теперь?

— В каморку, — ответила я. — Мне нужно отоспаться. А потом — готовиться к разговору с магической стражей. И к тому, что Корвин за этот час попытается что-то выкинуть.

— Думаешь?

— Уверена. Он проиграл не потому, что слаб. А потому, что недооценил меня. Сильные люди, которых недооценивают, становятся особенно опасными на выходе.

Я проводила Грона взглядом и направилась к себе.

В каморке было тихо. Разбитый стаканчик из-под кофе я подмела ещё ночью, записку убрала в ящик стола — как вещественное доказательство. Теперь здесь было почти уютно. Почти.

Я села на кровать, закрыла глаза.

«Алиса Морозова, — сказала я себе. — Тридцать два года. Кризис-менеджер. Попаданка. Раскрывшая заговор и выжившая в магическом мире. А ещё — кажется, влюбившаяся в ректора-козла. Что дальше?»

Внутренний голос молчал.

Видимо, даже он не знал ответа.

Глава 9. В которой час проходит, а ответный удар бьёт совсем не туда, куда я ждала

Час — это много или мало?

Когда ждёшь автобус на остановке под дождём — это вечность. Когда у тебя дедлайн через час, а ты ещё не начинала — это секунда. Когда ты только что разоблачила зама ректора в финансовых махинациях, а он получил час на то, чтобы покинуть Академию — это... подозрительно долго.

Слишком долго для человека, которому нечего терять.

Я не пошла в каморку. Вместо этого я отправилась к Марте. Она была единственной, кроме Рейна и Грона, кому я могла доверять. И единственной, у кого ещё оставался кофе.

— Опять ты, — сказала она, открывая дверь оранжереи. — И опять с таким лицом, будто за тобой гонится гиппогриф.

— Хуже, — ответила я, проходя внутрь. — За мной никто не гонится. Пока. Но через час — возможно, всё магическое сообщество.

— Садись, — она кивнула на стул. — Рассказывай.

Я рассказала. Всё. Про «Южную гильдию», про накладные, про разоблачение Корвина. Про то, что он знает, кто я на самом деле. Про то, что Рейн дал ему час.

Марта слушала молча, помешивая ложечкой в чашке. Когда я закончила, она долго смотрела на меня, а потом произнесла:

— Ты понимаешь, что этот час он использует не для того, чтобы собрать вещи?

— Понимаю.

— И что он может сделать?

— У меня есть версии, — я начала загибать пальцы. — Первая: он попытается уничтожить улики. Вторая: он попытается уничтожить меня. Третья: он попытается уничтожить и то, и другое, прихватив заодно кого-нибудь ещё.

— Логично, — кивнула Марта. — А самая безумная версия?

Я задумалась.

— Самая безумная — что он попытается уничтожить Академию. Просто из мести.

Марта отставила чашку.

— Знаешь, — сказала она, — за двадцать лет я видела трёх ректоров и дюжину замов. И Корвин — единственный, кто всегда был себе на уме. У него здесь нет друзей. Только интересы. И если он теряет всё, что имел...

— Он захочет, чтобы и другие потеряли.

— Именно.

Я встала.

— Нужно предупредить Рейна.

— Уже, — сказала Марта.

И в этот момент в главной башне пробили колокол. Не так, как обычно — размеренно, отмечая час. А часто, тревожно, с надрывом, который я слышала однажды в офисе, когда сработала пожарная сигнализация и все бежали к выходу.

Мы переглянулись.

— Вот и ответный удар, — сказала я.

— —

Мы выбежали в коридор. Там уже толпились студенты (те немногие, что остались перед каникулами) и преподаватели. Все смотрели вверх, на главную башню.

Шпиль башни светился.

Это был странный свет — не огонь, не магическое сияние, а что-то среднее. Холодное, голубоватое, оно пульсировало, как сердце огромного зверя, и с каждым ударом пульса по стенам Академии пробегала дрожь.

— Что это? — спросила я Марту.

— Не знаю, — ответила она побелевшими губами. — Но это нехорошо.

Из толпы вынырнул Грон. Без топорика — в кои-то веки. Вид у него был такой, будто он только что увидел призрак собственной бабушки.

— Ректор на башне! — выдохнул он. — Там Корвин. Он захватил шпиль и включил какой-то артефакт. Рейн просил передать: «Алису ко мне. Быстро».

— Меня? — переспросила я. — Зачем?

— Не знаю! — рявкнул Грон. — Он просто сказал: «Алису ко мне». И ещё: «У неё лучше всех получается говорить с людьми, которые творят дичь».

Я оценила. Даже в кризисной ситуации ректор находил время для сарказма. Определённо, мы сработались.

— Где вход на шпиль?

— Через восточную лестницу. Но там стража. Корвин выставил магический щит.

— Прорвёмся, — сказала я.

— Как? У тебя даже магии нет.

— Зато у меня есть голова, — я уже шагала к лестнице. — И опыт переговоров с неадекватными сотрудниками.

— —

Восточная лестница была узкой, винтовой, пахнущей плесенью и старым камнем. Я бежала по ступеням, перепрыгивая через две, и молилась, чтобы колени не подвели. Тридцать два года — не восемнадцать, спортзал я последний раз посещала при прошлом президенте.

На площадке перед шпилем и правда стоял щит. Мерцающая стена, сотканная из света и холода. И за ней — Корвин.

Он стоял в центре круглой комнаты под самым куполом, держа в руках небольшой кристалл, который пульсировал тем самым голубым светом. Лицо его было спокойным — слишком спокойным для человека, который только что проиграл.

— Адептка Винтер, — произнёс он, заметив меня. — Или мне называть вас Алисой? Пришли попрощаться?

— Пришла спросить, — ответила я, стараясь дышать ровно. — Зачем?

— Зачем? — он усмехнулся. — Вы уничтожили всё, что я строил годами. Мою репутацию, моё положение, моё будущее. А спрашиваете «зачем»?

— Я не уничтожала. Я просто нашла правду.

— Правда, — он скривился, — это роскошь, которую могут позволить себе только те, у кого есть власть. У вас нет власти, Алиса. У вас есть только ректор, которому вы зачем-то понадобились. Но даже он не спасёт вас от того, что сейчас произойдёт.

— И что же произойдёт?

— Этот кристалл, — он поднял его выше, — артефакт древних. Он называется «Сердце башни». Одно моё слово — и он вытянет всю магию из стен Академии. Защитные чары рухнут. Здание начнёт рассыпаться. А вместе с ним — все, кто внутри.

— Вы сумасшедший, — сказала я.

— Я проигравший, — поправил он. — А это большая разница. Сумасшедший не понимает, что делает. Я — понимаю.

Я лихорадочно соображала. Переговоры с неадекватными сотрудниками — это моё. Но переговоры с магом, который держит в руках оружие массового поражения, — такого у меня в резюме не было даже в разделе «дополнительный опыт».

— Чего вы хотите? — спросила я, стараясь тянуть время.

— Хочу, чтобы вы признали, — он посмотрел мне прямо в глаза. — При всех. При ректоре, при совете. Что вы — самозванка. Что вы подделали документы. Что Корвин невиновен.

— Этого не будет.

— Тогда Академия падёт.

— И вы вместе с ней.

— Я уже всё потерял, — он улыбнулся страшной, пустой улыбкой. — Терять больше нечего.

В этот момент я услышала шаги за спиной. Тяжёлые, уверенные. Я не оборачивалась, но и так знала, кто это.

— Корвин, — голос Рейна прозвучал как удар колокола. — Остановись.

— Поздно, Дамиан, — ответил тот. — Я уже активировал артефакт. Он слушается только меня. Одно слово — и всё кончено.

Я повернулась. Рейн стоял в проёме лестницы, всё в той же чёрной мантии, и смотрел на Корвина взглядом, от которого у меня самой кровь стыла в жилах.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Уже сказал ей, — Корвин кивнул на меня. — Признание. Публичное. Что я невиновен, а она — самозванка.

— Этого не будет, — повторил Рейн мои слова. — Но я могу предложить другое.

— Что же?

— Ты уйдёшь. Сейчас. Без последствий. Я сниму обвинения и позволю тебе покинуть Академию навсегда.

Корвин рассмеялся.

— Ты думаешь, я поверю? Ты, который никогда не прощал предателей?

— Я прощаю один раз, — тихо сказал Рейн. — Если предатель уходит и не возвращается.

На мгновение мне показалось, что Корвин колеблется. Что-то дрогнуло в его лице — тень сомнения, слабый намёк на то, что он ещё способен передумать.

Но потом он встряхнул головой.

— Прости, Дамиан, — сказал он. — Поздно.

И произнёс слово.

Я не разобрала его — оно прозвучало на языке, которого не существовало в моём мире. Но эффект был мгновенным: кристалл вспыхнул ослепительным голубым светом, стены башни загудели, как перегруженный трансформатор, и пол под ногами задрожал.

— Вниз, — скомандовал Рейн, хватая меня за плечо. — Быстро!

— А он?

— Я разберусь с ним позже.

Мы побежали вниз по лестнице. Ступени крошились под ногами, со стен сыпалась каменная крошка, где-то наверху грохотало так, будто небо решило обрушиться на землю.

— Что он делает?! — крикнула я.

— Разрушает башню! Я должен остановить артефакт!

— Как?

— Не знаю пока!

Мы вывалились во внутренний двор. Здесь уже собралась толпа — студенты, преподаватели, персонал. Все смотрели вверх. Главная башня светилась всё ярче, и от неё расходились трещины по стенам Академии.

— Он всё-таки это сделал, — прошептал Грон, возникший рядом. — Старый дурак...

— Он не дурак, — возразила я. — Он отчаявшийся. Это опаснее.

Рейн стоял в центре двора, воздев руки к небу. Я видела, как с его пальцев срываются струи магии — тёмные, багровые, они тянулись к башне, пытаясь удержать расползающиеся камни.

Но этого было мало.

— Он не справится один, — сказала Марта.

— Помогите ему! — крикнула я.

— Не можем, — ответил кто-то из преподавателей. — Артефакт блокирует чужую магию. Только тот, кто его активировал, может его остановить.

— Или тот, кто сильнее, — сказала я.

Я посмотрела на Рейна. Он стоял, окружённый сиянием, и я видела, как дрожат его руки от напряжения. Он был сильнейшим магом этого мира — мне говорили. Но хватит ли его силы, чтобы победить древний артефакт?

— Алиса, — сказал Рейн, не оборачиваясь. — Уходите.

— Нет.

— Я не смогу защитить вас.

— А я и не прошу, — я подошла ближе. — Что я могу сделать?

Он на секунду обернулся. В его глазах горел тот самый огонь, который я видела в кабине в первый день — холодный, опасный, но теперь направленный не на меня.

— Вы правда хотите помочь?

— Правда.

— Тогда кричите.

— Что?!

— Кричите, — повторил он. — Что-нибудь. Отвлеките его. Дайте мне пару секунд.

Я глубоко вздохнула и закричала.

Не просто «эй» или «помогите», а громко, отчётливо, как на совещании, когда кто-то предлагал очередную идиотскую идею.

— КОРВИН! У МЕНЯ ЕСТЬ КОПИИ ВСЕХ ДОКУМЕНТОВ! ОНИ У МАГИСТРА МАРТЫ! ДАЖЕ ЕСЛИ БАШНЯ УПАДЁТ — ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ОСТАНУТСЯ! ТЫ ПРОИГРАЛ!

Корвин, стоявший в проёме шпиля, на мгновение замер. Кристалл в его руке дрогнул. И этого мгновения хватило.

Рейн выбросил вперёд руку, и багровый луч магии ударил точно в артефакт. Раздался звон, как будто лопнула гигантская струна. Голубой свет погас.

Тишина. Потом грохот. Это Корвин рухнул на пол шпиля — без сознания, но живой.

Я выдохнула. У меня дрожали колени, звенело в ушах, и хотелось сесть прямо на мостовую.

— Сработало, — прошептала я.

Рейн опустил руки. Повернулся ко мне. Лицо его было бледным, под глазами залегли тени, но он смотрел на меня так, как не смотрел ещё никогда.

— Вы кричали на Корвина, — сказал он, — как на подчинённого, который опоздал с отчётом.

— А как ещё с ним разговаривать? — ответила я. — Он — подчинённый, который опоздал с отчётом. Только вместо отчёта — попытка уничтожить Академию.

Рейн помолчал, а потом сделал то, чего я никак не ожидала.

Он улыбнулся. Широко, открыто — будто впервые за долгое время.

— Алиса.

— Да?

— Вы невозможны.

— Это мы уже проходили, — напомнила я.

— Да. Но теперь я говорю это с уважением.

Я почувствовала, как краска приливает к щекам. Чёрт. В тридцать два года краснеть от слов мужика в мантии — это просто диагноз.

— Идёмте, — сказал он. — Нужно убрать завалы, допросить Корвина и объяснить совету, что здесь произошло.

— Я с вами.

— Я знаю, — ответил он. — Вы всегда со мной. С первого дня.

И пошёл к башне. А я пошла за ним. Потому что куда ещё мне было идти?

Глава 10. В которой я убираю завалы, допрашиваю Корвина и понимаю, что дом — это не всегда место

Когда Корвина выносили из башни, он уже пришёл в себя. Выглядел он скверно: бледный, с трясущимися руками и потухшим взглядом. От прежнего лощёного зама ректора не осталось и следа. Передо мной сидел сломленный человек, который проиграл — и знал об этом.

Магическая стража прибыла через час после того, как погас кристалл. Четверо суровых мужчин в серых плащах с серебряными нашивками, во главе с капитаном — высокой женщиной лет сорока, которая представилась как леди Ариана Велл. Она выслушала Рейна, изучила мою копию накладной, осмотрела артефакт и кивнула каким-то своим мыслям.

— Показаний более чем достаточно, — сказала она. — Корвин отправится в столичную тюрьму для магов. Суд состоится через месяц.

— А что насчёт амулета? — спросила я.

— Амулет вернут семье Виндзор, — ответила леди Велл. — С благодарностью Академии за его возвращение.

Я вздохнула с облегчением. Лира будет оправдана. А я... А я пока не знала, что будет со мной.

Дальше был долгий и мучительный допрос Корвина в присутствии стражи, Рейна и пары преподавателей совета. Я сидела с краю, записывала показания, и с каждой минутой во мне росло странное чувство — смесь усталости, опустошения и какого-то незнакомого спокойствия.

Корвин признался во всём. Да, он воровал деньги через подставные счета. Да, он украл амулет, когда понял, что я могу докопаться до правды. Да, он подбросил его в мою каморку и подстроил диверсию с дымом, чтобы отвлечь всех. Да, он надеялся, что после разоблачения Рейн выгонит меня и всё вернётся на круги своя.

— Глупо, — сказал он под конец, глядя в стену. — Я недооценил её.

— Все её недооценивают, — ответил Рейн. — Это их главная ошибка.

Я сделала вид, что не услышала. Но комплимент — если это был комплимент — записала в сердце.

Когда Корвина увели, Рейн повернулся ко мне.

— Идёмте, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Мы вышли во внутренний двор. Тот самый, где ещё вчера стояли и смотрели на звёзды, отражённые в дождевой воде старого фонтана. Сейчас двор был пуст, только камни ещё хранили следы недавней дрожи. Фонтан по-прежнему не работал.

— Я хочу задать вам вопрос, — сказал Рейн, останавливаясь у чаши. — И хочу, чтобы вы ответили честно.

— Я всегда отвечаю честно, — напомнила я. — Даже когда это невыгодно.

Он едва заметно усмехнулся.

— Кто вы, Алиса? На самом деле.

Я глубоко вздохнула. Этого разговора я ждала и боялась одновременно.

— Я уже говорила. Алиса Морозова. Тридцать два года. Кризис-менеджер. Разведена. Ипотека. Попала в этот мир случайно — споткнулась о портфель в офисе. Очнулась в теле Алессии Винтер. Как это произошло — понятия не имею. Но я не некромант, не шпионка и не самозванка. Я просто...

— Просто женщина, которая пыталась навести порядок, — закончил он за меня. — Я помню.

— Да.

Он помолчал, глядя на воду. Потом повернулся ко мне.

— Знаете, что самое странное?

— Что?

— За четыреста лет я видел много магии. Разной. Светлой, тёмной, запретной. Но я ни разу не видел, чтобы кто-то попал в наш мир просто потому, что споткнулся о портфель.

— Я сама не верю, — призналась я. — Но факт остаётся фактом.

— Факт, — повторил он. — Вы любите это слово.

— На нём строится вся моя работа.

Он кивнул и снова замолчал. Я видела, как он борется с чем-то внутри — что-то обдумывает, взвешивает, принимает решение.

— Алиса, — сказал он наконец. — Я хочу, чтобы вы остались.

Я моргнула.

— В каком смысле?

— В Академии. Не как адептка. Не как попаданка на испытательном сроке. А как... — он запнулся, подбирая слово. — Как мой заместитель по административно-хозяйственной части. На постоянной основе.

— Вы серьёзно?

— Я никогда не шучу о работе.

Я почувствовала, как внутри что-то переворачивается. С одной стороны — предложение мечты. Работа, которую я люблю. Место, где я могу приносить пользу. С другой — магический мир. Чужой. Непонятный. Где я никогда не стану своей до конца.

— У меня даже магии нет, — сказала я.

— Это я заметил, — он чуть усмехнулся. — Но магия — не главное. Главное — вы умеете наводить порядок. А порядка в Академии не было... скажем так, очень давно.

— С четырёхсот лет? — съязвила я.

— Примерно.

Я рассмеялась. Искренне, легко — впервые за долгое время. И он, кажется, тоже улыбнулся. Той самой улыбкой, которую я видела накануне — настоящей, не саркастичной.

— Лорд Рейн, — сказала я. — Можно вопрос?

— Слушаю.

— Почему вы меня не выгнали? В первый день. Когда я только появилась и начала требовать отчёты. Любой нормальный ректор вышвырнул бы меня за порог.

Он долго смотрел на меня — так, будто решал, стоит ли говорить правду.

— Потому что вы смотрели мне в глаза, — сказал он наконец. — Не в пол. Не в сторону. А прямо. И говорили то, что думали. За четыреста лет никто не смотрел на меня так, как вы в тот день. Никто не осмеливался.

— А вы?

— А я... — он чуть помедлил. — Я понял, что не хочу, чтобы вы перестали.

Сердце пропустило удар. Или два. Я стояла и смотрела на него — высокого, сурового, в чёрной мантии — и чувствовала, как где-то глубоко внутри тает стена, которую я строила годами. Стена из цинизма, сарказма и деловых отчётов. Стена, за которой пряталась Алиса Морозова — уставшая, одинокая, разведённая женщина, которая больше всего на свете боялась снова кому-то поверить.

— Я останусь, — сказала я тихо. — Но с одним условием.

— Каким?

— Кофе. В Академии должен появиться кофе. Легально. В столовой. Для всех.

Он моргнул, а потом расхохотался. Громко, открыто — так, что эхо прокатилось по двору и улетело в ночное небо.

— Договорились, — сказал он, отсмеявшись. — Кофе так кофе.

— И ещё одно, — добавила я. — Вы перестанете называть меня «адептка Винтер». Меня зовут Алиса.

— Алиса, — повторил он.

И от того, как он это сказал, у меня по спине побежали мурашки.

Поздно вечером я сидела в каморке и перебирала свои записи. Дела на завтра: разобрать завалы в восточном крыле, утвердить новую смету, навестить Лиру и сообщить ей об оправдании... Дел было много. Но впервые за всё время они не казались мне бременем.

В дверь постучали.

— Открыто, — сказала я.

Вошёл Грон. Без топорика. С двумя кружками в руках.

— Это что? — спросила я, приносиваясь.

— Кофе, — ответил он с таким видом, будто докладывал о взятии вражеской крепости.

— Марта сварила. Сказала, раз ректор разрешил легально, можно и угостить.

Я взяла кружку. Кофе был горячим, крепким, с всё тем же привкусом кардамона. Я отпила глоток и закрыла глаза от удовольствия.

— Господин Грон, — сказала я. — Знаете, что я поняла?

— Что?

— Дом — это не всегда место. Иногда дом — это люди. И кофе.

Он хмыкнул.

— Спорное утверждение. Но ты у нас специалист по спорным вопросам.

— Это точно.

Мы сидели в тишине, пили кофе и смотрели, как за мутным стеклом догорает закат.

Магический мир по-прежнему был чужим. Но теперь он был чужим чуть меньше.

Глава 11. В которой меня утверждают в должности, а из столицы приезжает сюрприз

Собрание совета назначили на понедельник. Я надела свежую мантию (Грон раздобыл где-то новую, без пятен и дыр, и отказался говорить, откуда), собрала волосы в пучок и вошла в Большой зал с прямой спиной и колотящимся сердцем.

За длинным дубовым столом сидели те же лица, что и неделю назад, когда меня едва не отдали под суд. Пожилой маг в золотой мантии, которого, как я выяснила, звали магистр Август. Пара преподавателей с кафедры стихий. Марта — с невозмутимым видом и чашкой, из которой пахло чем-то явно покрепче травяного настоя. И, конечно, Грон — при параде, в чистой безрукавке и с заплетённой бородой.

Во главе стола восседал Рейн. Когда я вошла, он поднял голову, и в его взгляде мелькнуло что-то, от чего я чуть не споткнулась на ровном месте.

— Адептка... — начал Август и осёкся. — Простите. Госпожа Морозова. Садитесь.

Я села рядом с Мартой. Та молча подвинула мне чашку с кофе.

— Ты — сокровище, — шепнула я.

— Знаю, — так же тихо ответила она.

Рейн поднялся. В зале мгновенно стихло.

— Уважаемые члены совета. Я собрал вас, чтобы объявить о кадровых изменениях. В связи с разоблачением магистра Корвина должность заместителя ректора по учебной и административно-хозяйственной части осталась вакантной. Я предлагаю назначить на неё Алису Морозову. С испытательным сроком, разумеется.

По залу прокатился шёпот. Август прокашлялся.

— Лорд Рейн, простите за прямой вопрос... но у госпожи Морозовой нет магии.

— Я знаю, — спокойно ответил Рейн.

— И у неё нет профильного образования.

— Тоже знаю.

— Тогда на каком основании?

Рейн обвёл взглядом совет.

— За неделю госпожа Морозова раскрыла финансовые махинации, которые продолжались годами, нашла похитителя фамильного амулета, предотвратила уничтожение Академии и составила смету на ремонт восточного крыла. Кто из вас, уважаемые коллеги, сделал за последний месяц хоть что-то подобное?

В зале повисла мёртвая тишина.

— Я, например, капусту выращиваю, — подала голос Марта. — Но это не совсем то же самое.

Я спрятала улыбку за глотком кофе.

Август покачал головой, но возражать не стал. Остальные преподаватели переглядывались, но тоже молчали.

— Голосуем, — сказал Рейн.

«За» проголосовали все. Кто-то — с явной неохотой, кто-то — с любопытством. Марта подняла руку с таким видом, будто голосовала за очередную партию саженцев. Грон — с видом человека, который уже ничему не удивляется.

— Принято единогласно, — объявил Рейн и повернулся ко мне. — Поздравляю, госпожа Морозова. С сегодняшнего дня вы — заместитель ректора по административно-хозяйственной части.

Я встала.

— Спасибо за доверие, — сказала я. — Обещаю, что порядок в Академии будет наведён. А кофе в столовой появится со следующей недели.

— Кофе? — переспросил Август.

— Кофе, — подтвердила я. — Согласно пункту четыре «Реформы бытовых условий учащихся и преподавателей». Которую я подготовлю к четвергу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.